

Т

№1
Январь 2011

УССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

С Новым годом!

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДАО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Vanco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Канделаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Компьютерная графика и верстка
Давид Элбакидзе-Мачавариани

Допечатная подготовка
Алена Деняга, Нино Цитландадзе

№1

Январь 2011

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАЗДНИК	АЛИЛО	4
КАЛЕНДАРЬ	ОТ А ДО Я	6
ПРЕМЬЕРА	СО СКАЗКОЙ В СЕРДЦЕ	8
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОШИБОК	10
ФЕСТИВАЛЬ	ГОСТЯ ИЗ НАСТОЯЩЕГО	14
	ХРИСТИАНСТВО – ВЕРНЫЙ ПУТЬ	19
	ВОЛНЫ ТВОРЧЕСТВА	22
О, СПОРТ!	НЕВЕСТА С СЕВЕРА	24
РУССКИЙ МИР	СТРАНИЦА УНИКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	28
ЮБИЛЕЙ	«ЖИВИ, КАК ДЫШИШЬ...»	32
ЗНАЙ НАШИХ!	НАСЛЕДНИК ПО ПРЯМОЙ	36
ПЕРЕВОДИМ	МУЗЫКА НА ВЕТРУ	40
ОБЪЕКТИВ	МОСТ МИРА	45
ПРИЗНАНИЕ	ТБИЛИСЕЦ В ТРЕТЬЕМ ПОКОЛЕНИИ	46
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	МЫ НУЖНЫ ДРУГ ДРУГУ	48
ВЕРНИСАЖ	ШОПЕН В ЦВЕТЕ	50
ПАЛИТРА	ПРОЗРАЧНЫЕ ФАНТАЗИИ	51
НАМ ПИШУТ	СПАСИБО, ЧТО ВЫ ЕСТЬ!	53

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гига Лордкипанидзе, Роин Метревели, Нани Брегвалдзе, Джансуг Чарквиани, Гулбат Торалдзе, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетуахуцеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кавтарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбанолдзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркиш (Израиль), Валентина Поллуканина (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

На обложке - зима в Местии. Фото Гога Чанадири

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА.

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

Фото Гога Чанадири

7 ЯНВАРЯ 2011 ГОДА
В ТБИЛИСИ ПРОШЛО
ТРАДИЦИОННОЕ «АЛИЛО» -
РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ШЕСТВИЕ СО
СБОРОМ ПОЖЕРТВОВАНИЙ ДЛЯ
НЕИМУЩИХ И ВОСПИТАННИКОВ
ДЕТСКИХ ДОМОВ. ЗАВЕРШИЛСЯ
ХОД У КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА
СВЯТОЙ ТРОИЦЫ.

КОНЕЦ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА

10 января 1775 года в истории России произошло не столь заметное, но значимое событие. В морозной Москве на Болотной площади был казнен вместе со своими сподвижниками знаменитый бунтовщик Емельян Пугачев. Мятежные казаки с калмыками и башкирами почти три года терзали обескровленные русские военные гарнизоны в разбросанных по бескрайней зауральской степи крепостях. Об это мы все знаем из бессмертной пушкинской «Капитанской дочки». Удалому атаману Емельке Пугачеву, выдававшему себя за убиенного императора Петра III, долго везло, пока войска, направленные против него, не возглавил доселе никому не известный полковник Михельсон.

«Матушка-государыня, - спрашивали советники, - почему этот шельмец поставлен на войска, почему не Суворов?»

- « А то, что со злодеем лучше справится такой же, как он самозванец», - усмехалась Екатерина.

Уж она-то давно знала из доноса, что Михельсон вовсе никакой не дворянин, а беглый остерзейский холоп, обманом записавшийся в армию и дослужившийся до офицерского чина. Он как никто знал крестьянскую натуру. И никакие хитрые мужицкие уловки Пугачева для Михельсона загадкой не были - он всегда успевал опередить войска мятежников. В итоге, Пугачев был пленен, пытан и в деревянной клетке доставлен в Москву к месту казни. Знаменитому же Суворову досталась малопочтенная и малоприятная для его гордости миссия сопровождать арестанта в Первопрестольную на казнь. Эзекучией, при огромном стечении народа, командовал жестокий обер-полицейстер Москвы Николай Архаров. Но к удивлению толпы, палач, который должен был четвертовать злодея, поочередно отсекая конечности, первым же ударом снес ему голову, хотя должен был сделать это в последнюю очередь. Но все понимали, что это лукавство, потому что не безвестный палач, а сама матушка-государыня проявила такое своеобразное мягкосердечие. Ибо, какая женщина не посочувствует мужчине, который в пьяном угаре утирал кулаком горячие слезы перед ее портретом и называл «Каткой-изменщицей», окончательно войдя в роль несчастного свергнутого ею мужа.

А ВСЕ-ТАКИ ОНА ВЕРТИТСЯ!

160 лет назад люди наглядно увидели, что наша Земля вращается. Собственно, к тому времени это было известно и так. В XIX веке за подобное знание уже никого не сжигали на костре, как Джордано Бруно, и не заставляли публично отрекаться от этой истины, как Галилея. Уже были совершены все важнейшие кругосветные путешествия, доказывающие сферичность нашей планеты. Но до первых полетов в космос вращение Земли доказывалось только при помощи знаменитого маятника Фуко, названного по имени известного французского физика. Им было изобретено очень простое устройство. Оно представляет собой тяжелый медный шар с пером на очень длинной проволоке, подвешенный в высоком зале, усыпанном мелким песком. Шар, раскачиваясь, рисует причудливый узор на песке, так как плоскость колебаний маятника медленно смещается - поворачивается в час на 11 градусов. Именно с такой скоростью вращается наша Земля.

3 января 1851 года в парижском Пантеоне был впервые проведен публичный эксперимент с маятником Фуко. Самым горячим его сторонником был президент Французской республики Бонапарт, будущий император Наполеон III, не чуждый идей Просвещения и Прогресса. А римский папа, хоть и благословил сие научное действо, но заявил, что эксперимент доказывает не сам факт вращения Земли, а, в первую очередь, могущество Господа Бога.

Этот эксперимент неоднократно повторяли в разных странах, и он привлекал внимание зрителей.

В Тбилиси маятник Фуко в 20-е годы несколько раз демонстрировали в здании старого вокзала.

С ЧЕГО НАЧАЛАСЬ СКАЗКА

Кто не знает прекрасной романтической истории, похожей на сказку - любви Саломе Дадияни и Ашиля Мюрата - когда блестящий принц, потомок знаменитого наполеоновского маршала, избрал Грузию родиной для своих потомков. Когда храбрый офицер русской армии, родовитый грузинский князь Чавчавадзе, воевавший в 1812 году рука об руку с самим фельдмаршалом Барклаем де Толли, отбивал атаки французского авангарда, он представить себе не мог, что через внуков породнится со своим яростным противником по ту сторону фронта - неаполитанским королем Иоахимом Мюратом. А заодно и с самим императором Наполеоном... Ибо 20 января 1800 года Мюрат женился по большой любви на Каролине Бонапарт - младшей сестре великого корсиканца. Да и как было восемнадцатилетней девочке не влюбиться в отважного красавца-кавалериста в шелках с вензелями. У них родилось четверо детей, и они были счастливы, до крушения Первой Империи, падения Парижа, ссылки Наполеона и расстрела самого Мюрата. Внук Каролины с гордым именем Ахилл (Ашиль) оказался не меньшим романтиком, чем его бабушка, выбрав в жены экзотическую иностранку - восточную красавицу с далекого Кавказа. К слову сказать, прекрасно образованная грузинская княгиня Саломе Дадияни говорила на изысканном и безупречном французском гораздо лучше знаменитого, но неотесанного деда своего мужа, происходившего, как известно, из семьи простых лавочников.

ЖРЕБИЙ БРОШЕН

К началу 49 года до н.э. Римскую империю сотрясали гражданские войны. Разнообразные амбиции безответственной элиты раздирали общественное мнение. Вечный город разделился на кланы, партии, фракции и даже шайки. Авторитет сената пал, а правящий консул Помпей Великий, чувствовавший себя как рыба в воде на любом поле битвы, шаг за шагом проигрывал политическую кампанию. И вот галльский контингент римской армии под командованием гениального Юлия Цезаря не только отказался следовать указаниям вышестоящего начальства, но и, взбунтовавшись, двинулся прямо на Рим. Граница италийских владений проходила по реке Рубикон, за которую не смели переходить вооруженные римские легионы – по установившейся традиции, дома вооруженным войскам делать было нечего. И вот 10 января 49 года до н.э., остановившись на берегу Рубикона, Цезарь обернулся в седле к своим войскам, высоко подбросил монету и крикнул: «Жребий брошен!» Через два дня его войска без сопротивления вошли в Рим. Древняя Римская республика закончила своё существование. Впереди ее ждали гражданские войны, заговоры, убийства и, в конце концов, неограниченная императорская власть.

КОНЕЦ МЕДНОГО ВСАДНИКА

Ничто не предвещало его смерти (Петр Великий умер 28 (8) января 1725 года в Санкт-Петербурге). Он казался вечным, хотя сейчас современные историки подозревают, что одних инфарктов у него было не меньше трех. К тому же, всем было известно, что пил он немало. Будучи совсем молодым человеком, он просил своего верного дядьку Никиту Зотова, по совместительству Папу Всепьянейшего Собора шутовского Ордена Придворных Выпивох, разрешения уходить в запой. Наступило время, когда безумства молодости не могли не сказаться. Заболел он сразу после крещенской службы на льду Невы у проруби-иордани. Царя с жесточайшими почечными коликами доставили в нелюбимый им Зимний дворец. Тогда то и вспомнили произошедший за пару месяцев до того случай. Петр с малочисленной охраной мчался по дороге вдоль Финского залива и увидел, как на приборных камнях терпит бедствие военный парусный бот. Неумелый капитан не справился с парусом, и суденышко должно было вот-вот опрокинуться. Петр бросился к берегу, обматерив по дороге знакомого чухонского рыбака и, запрыгнув в его лодку, поплыл к ботику. Взобрался на палубу, дал крепкий подзатыльник подвернувшемуся под руку мичману и бросился к снастям. Ботик был спасен, но за борт упал юный матрос. Петр прыгнул следом за ним. У берега двухметровому Петру было неглубоко. Он поднял над головой наглотавшегося воды утопленника, добрал с ним до берега и брезгливо бросил его на землю. Отмахнувшись от рыбака, который приглашал обсушиться – «После, Якоб, после», – царь, как был, в мокром, понесся по своим делам дальше. К вечеру с ним случился первый приступ, но быстро прошел, и, казалось, беда миновала. Но это было не так.

И вот, Петр лежал в маленькой комнате старого Зимнего дворца и кричал от боли так, что слышно было на улице прохожим. Когда стало известно, что смерть неминуема, попросил бумагу и чернил, но рука успела вывести только «Отдайте все...» А кому – так и осталось исторической загадкой. Интересно, каким путем пошла бы Россия после Великого Реформатора, если бы он успел обнародовать свою волю?

ДЕЛА ЯБЛОЧНЫЕ

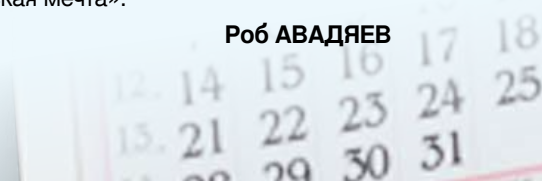
Представьте себе, еще 35 лет назад не было никаких персональных компьютеров, а были громоздкие электронно-вычислительные машины, занимавшие подчас целые этажи офисных зданий и институтов. Нельзя сказать, что человечество не жалело миниатюризировать столь полезное изобретение. Но ящики с хитроумной начинкой оставались по-прежнему громоздкими. И вот наступил знаменательный момент, когда двое молодых людей совершенно не респектабельного, а напротив, видом напоминающих пресловутых хиппи, переступили порог шикарного кабинета директора всемирно известной фирмы Hewlett-Packard. Под мышкой одного из них – того что пониже, поплотнее и более робкого – было нечто, напоминающее выдвинутой ящик старого письменного стола с торчащими из него проводами. Второй – высокий и худой парень – раз-

вязно уселся в кресло и благожелательно сообщил ошарашенному директору, что они с другом изобрели самый настоящий персональный компьютер и подумывают – именно подумывают! – о том, чтобы пригласить HP стать совладельцами их новой фирмы. «Тогда, – продолжал ерничать высокий, – эта ваша шарага получит шанс заработать хотя бы на бутерброд с минтаем». Наглицам немедленно указали на дверь. А фирма их действительно существовала, хотя пока лишь на бумаге, зарегистрированная 3 января 1977 года и называлась Apple – «яблоко».

Ребят звали Стив Возняк и Стив Джобс. И это был исторический момент, начало совершенно новой истории о зарождении гениальной идеи. В ней было все: от создания маленькой фирмы в соседском гараже до превращения ее в крупнейшую мировую корпорацию, захватившую целый сектор рынка высоких технологий. Рассказ про двух одиноких изобретателей и про то, как они из безвестности начали путь к сияющим вершинам, совершив настоящую технологическую революцию, и добились заслуженного коммерческого успеха. Типичная «американская мечта».

Роб АВАДЯЕВ

Сцены из спектакля «Морозко»

Линда Урбонавичюте

Так уж повелось, что каждый Новый год МКПС «Русский клуб» и театр Грибоедова преподносят большой подарок тем, кто больше всего верит в чудеса – детям. С каждым годом все больше грузинских мальчишек и девчонок, а также их родителей, становятся участниками праздника, называемого новогодним представлением. Все это было бы невозможно без щедрой поддержки благотворительного фонда «Карту».

27 декабря на Малой сцене старейшего театра страны состоялась премьера музыкального спектакля «Морозко» по мотивам одноименной русской народной сказки. Поставила спектакль режиссер из Литвы Линда Урбонавичюте под художественным руководством Автандила Варсимашвили.

В дни новогодних праздников юные зрители посмотрят более 60 представлений.

По традиции, билеты на спектакли безвозмездно переданы школам Тбилиси и различных регионов Грузии, приглашены воспитанники детских домов, школ-интернатов и реабилитационных центров. Всего же гостями новогодних представлений, устроенных «Русским клубом», станут более 6 500 ребят.

Вот уже второй год подряд «Русский клуб» выпускает адаптированные издания со словарем и упражнениями для юного грузиноязычного читателя.

На этот раз издана книжка стихотворений Агнии Барто, что приурочено к 105-летию со дня рождения выдающейся детской писательницы. Поэтому, по окончании представления зрители получают подарок – праздничный набор сладостей и книжку стихов Агнии Барто с вкладышем о предстоящем конкурсе детского рисунка «Путь к звездам».

СО СКАЗКОЙ В СЕРДЦЕ

Сюжет сказки «Морозко» знаком всем с детства – кому по книжке, а кому по хрестоматийному фильму А.Роу. У злой мачехи (заслуженная артистка Грузии В.Воинова) и отца (М.Амбросов) есть любимая дочь Акулина (Н.Калатошвили) и падчерица Настя, скромная и ласковая (М.Мумладзе). Акулина, понятное дело, некрасива и сварлива, а Настенька добра и отзывчива, мастерица на все руки. За ее доброе сердце и полюбил Настеньку добрый молодец Иванушка (А.Лубинец). Но и Акулина хочет стать его женой. Чтобы избавиться от конкурентки, Акулина с матерью задумывают отправить Настю в лес, где живут разбойники Соловушка и Голубушка (С.Кения, В.Габашвили, Д.Спорышев) и их эксцентричная бабушка Яга (В.Курасбедиани, О.Мчедлишвили). А хозяйничает в зимнем заснеженном лесу Морозко, Мороз Иванович (М.Арджеванидзе),

помогает ему внучка Снегурочка (Н.Нинидзе). За то, что Настенька накормила разбойников и ответила на все хитроумные загадки Морозко, он одарил ее самоцветами да жемчугами. А Акулине, которая вслед за Настенькой отправилась в лес «за приданым», ничего, кроме гнилушек да болотной тины не досталось. Впрочем, по просьбе Настеньки мачеха с Акулиной были прощены и все зажили счастливо. Тут и сказке конец.

По словам режиссера Линды Урбонавичюте, эта сказка, в первую очередь, учит доброте и терпимости, умению заботливо относиться друг к другу.

Линда Урбонавичюте приехала в Грузию, чтобы постичь премудрости театрального искусства. У себя на родине она уже осуществила несколько постановок, в том числе «Маленького принца» и «Есть тут кто-нибудь?»

Вообще же она считает, что не могла не стать ре-

жиссером. Она – ребенок, выросший за кулисами. Ее отец – актер, мама – режиссер. И вопрос – театр или не театр, задает себе каждый ребенок из театральной семьи. Несмотря на то, что она закончила факультет международного бизнеса и работала директором по маркетингу в крупной международной компании, театр – смысл ее жизни.

Решение поехать учиться мастерству в Грузию было непростым и зрело целых десять лет.

«Приехать в Грузию мне посоветовал большой друг нашей семьи, кинорежиссер Витаутас Ландсбергис. И хотя моя семья была против моего решения, в конце концов, они меня поддержали. Приехала я, потому что мне нравится грузинская театральная школа. И потом, если учиться, то у большого мастера, иначе это не имеет смысла. Знаю, сложно быть женщиной-режиссером. Потому что эта профессия поглощает все твоё время, силы, мысли. Ты пропадаешь в театре постоянно. Когда у всех праздники, я работаю. Отмечу, что мне было приятно работать с грибоедовцами, и я им благодарна за понимание и поддержку», – говорит Линда.

В своем выборе она не разочаровалась – Грузия, «теплая и уютная», встретила ее с привычным гостеприимством, а Тбилиси, «похожий на Париж», наверняка станет одним из любимых городов.

Первая «проба сил» на грибоедовской сцене удалась. «Морозко» – представление очень красочное, которое смотрится на одном дыхании. Все – и яркие колоритные костюмы, и интересная сценография, и музыка, и даже белый половик на сцене создают атмосферу сказочного, чудесного. Ко всему добавляется зажигательная игра актеров и вот целый час зрители, не отводя взгляда от сюжетных перипетий, наслаждаются праздником.

А это значит, что режиссер справилась со своей задачей – самые чуткие и взыскательные зрители – дети – веселятся от души. Ведь детство – самая благодарная и благодатная пора, где всегда есть место чуду, а сердце полно сказкой.

Ну, а начинать с самого трудного – это свойство влюбленных и преданных своему делу.

Несомненно, у Линды Урбонавичюте впереди еще много премьер и волнений, с которыми она непременно справится.

Ведь недаром все те же взыскательные зрители единогласно называют представления, подготовленные «Русским клубом», самыми лучшими.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОШИБОК

Гоги Кавтарадзе

Известному режиссеру и актеру, народному артисту Грузии Георгию Георгиевичу Кавтарадзе исполнилось 70. Это событие совпало с другим, не менее значимым: он возглавил Театральное общество Грузии. Знаю Гоги Кавтарадзе еще с тех пор, когда он был художественным руководителем Тбилисского русского драматического театра имени А. С. Грибоедова, помню его спектакли – «Вишневый сад», «Анна Каренина», «Женщина», «Белые флаги», «Яма», «Распутин»... В общем, редкий случай: Георгий Георгиевич одинаково талантлив и как режиссер, и как актер. Недавно он вернулся из Кутаиси, где состоялась премьера спектакля «Невзгоды Дариспана» Д. Клдиашвили – проект Кутаисского драматического театра имени Л. Месхишвили, который возглавляет Георгий Сихарулидзе.

- Когда-то я поставил «Невзгоды Дариспана» на сцене театра имени А.С.Грибоедова – впервые на русском языке, - вспоминает Г. Кавтарадзе. - Чтобы не терять творческую форму, я согласился немного оторваться от дел и принять участие в этом спектакле в качестве актера. А незадолго до этого я поставил на сцене театра киноактера имени М. Туманишвили «Враг народа» Ибсена.

ТЕАТР СРАВНИМ С ВУЛКАНОМ

- «Враг народа» - социально заостренная пьеса. Все еще верите в силу театрального искусства, в его способность что-то переломить в сознании человека, в устройстве общества?

- Верю. Я не разделяю мнения, что театр переживает кризис. Я бы сравнил театральный ситуацию с при-

ливом и отливом моря или с вулканом, то действующим, извергающим огненную лаву, то притихшим, на время затаившимся. Это закон театра. В последние два десятилетия произошли катаклизмы социального, политического характера, а театр остается! В какие-то периоды он переживает бурный всплеск, а иногда наблюдается некоторое снижение активности искусства сцены, отсутствие новых идей. Но это ничего не значит! Я обратил внимание на обнадеживающую тенденцию. Если раньше в театр приходили преимущественно зрители среднего и старшего поколения, то сейчас прева-лирует молодежь. И это очень важно!

- И что, по-вашему, нужно показывать молодым?

- Когда был создан Театральный подвал, у него сформировалась своя аудитория. Мне тоже довелось ставить на его сцене. Билеты поначалу стоили пять лари. И когда в один прекрасный день они подорожали вдвое, ничего не изменилось: зрители по-прежнему посещали Театральный подвал, причем в основном молодежь. Открытие театра нового типа стимулировало тогда оживление интереса к сценическому искусству, стремление смотреть новые постановки не только в Театральном подвале, но и в академических театрах. Я все время слышу, что зритель не ходит в театр, – это неправда! На одни постановки, конечно, ходят больше, на другие - меньше. Но это всегда было так, тем более – в Грузии.

- Сегодня вы не руководите театром, остались, если можно так сказать, не у дел. Вы это остро переживаете?

- Естественно, это больно. Мне было всего 29 лет,

когда я стал главным режиссером Батумского театра. Потом я руководил театрами в Кутаиси, Сухуми, Рустави. Возглавлял и театр имени А. С. Грибоедова. Словом, я всегда был руководителем. Дело вовсе не в карьере, не в лидерстве, а в творческой свободе. То есть, будучи руководителем, я не завишу ни от кого, ни от чего. Это самое важное. Дело, повторяю, не в кабинете, не в кресле, которое я вовсе не люблю. Потому что редко засиживаюсь в нем – все время кручусь, верчусь... В то же время когда я поставил спектакль в театре киноактера имени М.Туманишвили в качестве приглашенного режиссера, то увидел, что подобная ситуация тоже имеет свои положительные стороны. Ведь в этом случае ты отвечаешь только за свой спектакль, тебя не касаются организационные и финансовые проблемы.

ДРУЖБА – ПОНЯТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЕ

- Вы много ставили в России. Расскажите об этом, пожалуйста.

- Я ставил на сценах Ростовского академического театра имени М. Горького и Таганрогского мемориального чеховского драматического театра. В Таганроге я осуществил ни много, ни мало – девять постановок! А среди трех моих ростовских спектаклей – «Бесы» Ф. Достоевского. Я всегда мечтал поставить это произведение – и вот представилась такая замечательная возможность!.. А начало всему было положено в 1992 году, когда я поставил на сцене театра имени А. С. Грибоедова «Вишневый сад» А.Чехова. Это был мой любимый спектакль... Он родился в тяжелое время, когда не летали самолеты, не было денег... Но Николаю Николаевичу Свентицкому, нынешнему директору театра, удалось организовать военный самолет, мы погрузили в него декорации и отправились на I Чеховский международный театральный фестиваль в Таганроге. Там не вручалось призов и премий, но были

сле этого фестиваля буквально через неделю мне позвонили из Ростовского театра им. М. Горького и предложили поставить у них Шекспира. Я сразу подумал о том, что там работает мой близкий друг, народный артист России Игорь Александрович Богодух, и сказал, что согласен ставить в том случае, если в спектакле будет играть он. Так появился мой первый спектакль по трагедии Шекспира «Король Лир» – «Безумный театр дураков». Это было в 1994 году. Хочу подчеркнуть, что спектакль сохранялся в репертуаре целых десять лет. После каждого спектакля Игорь мне звонил и сообщал, что в зале снова аншлаг... Позднее были «Ричард III» и «Бесы». А потом меня пригласили в Таганрог. Когда я спросил, что должен поставить, мне ответили: «Ради бога, только не Чехова!» И предложили длинный список драматургии, литературы на перспективу. Среди названий я нашел «Крестного отца» Марио Пьюзо. Вместе с замечательным драматургом и интересным человеком Александром Котетишвили мы перенесли коллизии романа на российскую почву. Спустя время на родине я осуществил грузинский вариант... После «Крестного отца» я поставил в Таганроге «Царевича Алексея» Д. Мережковского. Спектакль был приурочен к 300-летию со дня основания Петром I Таганрога. Я был удивлен – к такой важной исторической дате предлагали поставить спектакль мне, грузину! Позже я осуществил постановку «Павла I» того же Мережковского – получилась диалогия. Затем последовали «Гамлет», «На дне» М. Горького, «Белые флаги» Н. Думбадзе... Не было сезона, чтобы я не поставил в Таганроге спектакль. В театрах Ростова и Таганрога мои друзья все – от капельдинеров до самых именитых актеров. Сегодня, когда говорят о сложных российско-грузинских отношениях, для моих друзей в Ростове и Таганроге это звучит, по меньшей мере, странно. Потому что мы никогда не разбирали, кто русский, кто грузин, вместе делали общее дело. Мы и сегодня под-

Сцены из спектаклей «Вишневый сад» и «Распутин»

серьезные критики, которые давали неофициальные оценки спектаклям. И наш «Вишневый сад» прекрасно восприняли, несмотря на то, что на фестивале были представлены лучшие театры – например, Театр у Никитских ворот под руководством Марка Розовского. Русскому зрителю было особенно приятно, что режиссер и актеры с грузинскими фамилиями так бережно отнеслись к чеховской пьесе, ее тексту, сути. Кто-то даже отметил отсутствие акцента у исполнителей... По-

держиваем хорошие отношения. Дружба не зависит от времени и политической ситуации, она или есть, или ее нет. Именно такие отношения связывают меня с Игорем Богодухом. Потому что это замечательный актер, настоящий мужик, преданный друг. Ошибочным был советский термин «дружба народов». Ведь дружба – понятие индивидуальное. У меня есть друзья в России, Армении, Молдове, Словакии... Это – личное. Я люблю конкретных людей, а не вообще все население Мол-

Сцены из спектаклей в постановке Г.Кавтарадзе

довы или Армении. В 2008 году, вскоре после известных событий, по приглашению Общественной палаты России в составе грузинской делегации я побывал в Москве. Там я рассказал, что даже во время августовской войны в грузинских деревнях российских солдат не считали врагами. Когда один солдат пришел к местному крестьянину, чтобы купить чачу, тот денег не взял, солдата посадили за стол, налили, сели поговорить. Эту историю я рассказал для большой аудитории - в зале тогда собралось не менее 500 человек и, выслушав меня, они аплодировали стоя. А еще я пересказал сюжет поэмы «Гость и хозяин» Важа Пшавела, которую, кстати, поставил в театре Грибоедова. Пока человек - мой гость, он не может быть моим врагом. На Кавказе издревле существовали два закона - кровная месть и гостеприимство. Но гостеприимство всегда было выше, чем кровная месть... В Москве ко мне подходили и спрашивали, где найти это произведение. Я сказал, что есть прекрасный перевод поэмы Николая Заболоцкого, и он наверняка будет в библиотеке.

- Была в вашей жизни и Болгария...

- Да, в городе Благоевграде я поставил спектакль «Не беспокойся, мама!» Это была моя первая поездка за рубеж. Я встретил Новый, 1971 год в Болгарии. Когда я уезжал, то зашел к Гиге Лордкипанидзе посоветоваться - мне предстояло поставить в Софии спектакль, и я переживал, что мне будет мешать языковой барьер. Но Гига успокоил меня со свойственным ему юмором: «Успокойся, твой русский - это и есть болгарский!» Довелось мне поработать и в Словакии. Тогда я был художественным руководителем Кутаисского театра, и у нас состоялись гастроли в Москве. Они прошли очень успешно. А после гастролей я поехал по направлению Министерства культуры СССР в Чехословакию в составе советской делегации, посмотрел там спектакли, познакомился с коллегами. Мне довелось поработать в театре «Новая сцена» - я поставил несколько спектаклей, в том числе «На дне», «Закон вечности»: он шел здесь в течение пяти лет... «Закон вечности» после премьеры стал в Чехословакии таким популярным, что вышло издание романа на словацком языке. Когда я начал репетировать, в спектакле были заняты 42 человека. Зайдя в зал, я увидел перед собой настоящих врагов. Никто не читал произведение, никто не знал, что это такое, кто я такой, где находится Грузия. С 1968 года, когда советские танки оккупировали Прагу, население Чехословакии на биологическом уровне ненавидело все советское. Но позднее, когда актеры

поняли, что я свободный человек, что я не враг, мы подружились. Помню, как однажды мы поехали в Прагу, я был восхищен этим фантастическим городом, увидел дом, где жил Франц Кафка. Познакомился с одним необычным человеком. В компании пили вместе пиво, я рассказывал анекдоты - в том числе о Брежневе. Они смеялись! Я обратил внимание на блондина, довольно немногословного, сидящего рядом с симпатичной женщиной. попрощались и возвратились в Братиславу. А потом друзья мне рассказали, что Гавел - так звали блондина - предостерег их, чтобы они относились ко мне с осторожностью: провокатор! Это был будущий президент Чехословакии, писатель, драматург, правозащитник Вацлав Гавел, недавно выпущенный из заключения. У меня были две его пьесы. К сожалению, я их так и не поставил - они остались в Сухуми... Театр «Новая сцена» был левым, насколько это было возможно в те времена. Бачану в моем спектакле сыграл очень известный в Словакии актер, политик Милан Княжко. Позднее он стал министром культуры Словакии. Однажды я попал в составе группы на Авиньонский фестиваль. Вечером нам объявили, что министр культуры Чехословакии устраивает прием и приглашает нас. Там я встретился с Миланом Княжко, встреча была очень теплой, сердечной... «Конечно, у тебя нет денег?» - предположил министр и дал мне довольно значительную сумму: «Бери, живи нормально!» Это было очень кстати...

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

- В течение семи лет вы были худруком театра имени Грибоедова. Что вам особенно запомнилось?

- Без преувеличения могу сказать, что помню только хорошее. Прежде всего, это спектакли «Анна Каренина» Л. Толстого, «Распутин» М. Лашер, «Женщина» Л. Андреева... Это счастливые дни, которые трудно за-

быть. Я начинаю печатать отрывки из моей автобиографической книги «Ошибки». Всю свою жизнь я рассматриваю через призму совершенных ошибок. На мой взгляд, человек всю жизнь делает одни и те же ошибки. Он старается их избежать, но тщетно. Потому что ошибки – это характер человека. Есть у меня еще одна мысль об ошибках – кто-то считает, что я ошибся, но у меня на этот счет совсем иная

- 14 января - День грузинского театра. Какую стратегию действий вы для себя наметили на новом посту?

- Здесь в течение двадцати пяти лет работал мой учитель, мой старый друг Георгий Давидович Лордкипанидзе, и он очень многое сделал в самый сложный для Грузии период. Были даже опасения, что общество потеряет свое здание. А передо мной сейчас стоит задача простая и в то же время сложная: я хочу создать такой союз, который станет защитником прав грузинского театрального деятеля. На карте Грузии обозначены города, в которых есть театры. В некоторых я уже побывал, в другие еще только собираюсь попасть, чтобы узнать о проблемах, которые переживает тот или иной театральный коллектив. Понять, чем я могу помочь, в чем содействовать. У работающих педагогов школ есть такая привилегия: они получают и зарплату, и пенсию. Моя цель – добиться того, чтобы это распространялось и на актеров. Так что если раньше я был руководителем театра, то теперь чувствую себя руководителем

точка зрения. И тогда я ставлю вопросительный знак! Это не мемуары, не записки. Последовательности в изложении событий в книге нет. Это скорее размышления, которые, на мой взгляд, важны для будущего поколения. Раз у меня не сложилось в Грибоедовском театре, значит, мною была допущена какая-то ошибка, значит, я что-то упустил... Все грибоедовцы мне близки, я не могу забыть те творческие радости, которые мы вместе испытали. Говорю об этом абсолютно честно... А вообще ошибок в моей жизни было много. Ошибки в своей совокупности создают образ человека, его лицо. Ведь когда мы вспоминаем человека, то редко говорим о его положительных качествах, чаще всего мы обсуждаем какие-то его характерные черты, иногда вызывающие улыбку окружающих...

НАСЛЕДНИК ИЛИ И АКАКИЯ

- Недавно вы возглавили Театральное общество Грузии. Испытываете чувство ответственности?

- Как я могу не испытывать особое чувство ответственности, если обществом в разное время руководили такие гиганты, как Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Акакий Хорава, Шалва Дадияни, Михаил Мревлишвили, Додо Антадзе, Додо Алексидзе – мой любимый педагог, Гига Лордкипанидзе... А я продолжаю их дело!

театров. Я собрал президиум Театрального общества, в который вошли известные деятели культуры, в том числе знаменитый певец Паата Бурчуладзе. А при президиуме был создан совет управляющих театра, кстати, далеко не все из них являются членами Театрального общества Грузии. У общества нет бюджета, единственное, что мы имеем, - это здание, которое мы сдаем в аренду, на что и живет аппарат. Правда, сейчас нам довольно интенсивно помогает мэрия, большое им за это спасибо! Мэр Гиги Угулава, Мамука Кацарава, Шота Маглакелидзе, Георгий Роинишвили стараются сделать все от них зависящее... Тем не менее, я выступил с предложением создать специальный фонд. После каждой премьеры один спектакль играть бесплатно, и заработанные театром деньги перечислять в фонд общества. Эти средства пойдут на благотворительные цели. В принципе согласие достигнуто, но есть какие-то юридические препоны, вполне преодолимые. Хочу отметить, что наше общество объединяет людей, которые не обязательно разделяют мнения друг друга и выражают одни и те же политические убеждения. Если я буду использовать этот пост в своих политических целях, то потеряю право руководить Театральным обществом Грузии. Так что давайте разделим наши политические убеждения и человеческие, деловые отношения.

Елена КИКОДЗЕ

ГОСТЬЯ ИЗ НАСТОЯЩЕГО

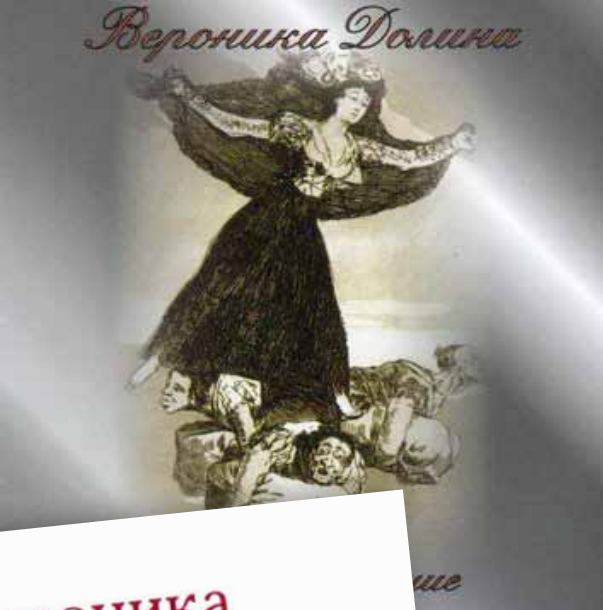
«Если нет тайны, мы не договоримся», - говорит Вероника Долина.

Какого она замеса? Из каких небесных дрожжей и земной муки-муки рождаются ее стихи?

Есть тайна...

Задел был красивый и правильный. Она родилась в семье авиатора и врача. Выросла в доме, переполненном книгами. Брат стал специалистом по японской поэзии, а она окончила музыкальную школу, педагогический институт и стала кем стала.

Долина любит и знает французский язык и литературу, она росла с этим и училась этому. А французский – это, знаете ли, особое дело. В самом языке, в звучании слова и манере выстраивать фразу лежит эlegant-

ность и краткость, сдержанность и страстность, хрупкость формы-бокала и крепость содержания-вина, способность немногими средствами выказать многое, почти все. Почти. Что сказано – сказано, остальное додумай и дочувствуй - французский язык уважает твою свободу.

Само собой, первый сборник стихов Вероники вышел в Париже - по ее записям русские парижане, любители поэзии, издали книгу.

Само собой, ее «дом летает», и она живет в России и во Франции. И хотя Вероника, как Д'Артаньян, силой своей

энергии и труда самостоятельно обустроивает пространство вокруг себя, иногда кажется, что к ней, как к Атосу, экипировка приходит сама по себе. И еще - Долина, подобно другому легендарному персонажу, который сам себя вытаскивал за волосы из болота, знаменита не тем, летает ее дом или не летает. А тем, что не врет. Не умеет, не получается. И не интересно.

- Хочу признаться, что волнуясь, и, наверное, я не первая, кто вам это говорит. Когда на протяжении многих лет слушаешь голос, и вдруг обладатель этого голоса - рядом с тобой на расстоянии вытянутой руки... Может быть, такое было когда-то знакомо и вам?

- Нет.

- А с каким чувством вы впервые пришли к Булату Окуджава?

- Ну, я вообще не имею какой-то неправильной казнительной робости.

- Вы с ним без робости разговаривали?

- С очень маленькой и естественной. И она касалась только его грозного вида, кавказской ломаной брови. Он держался как-то по-своему, несколько высокомерно. Да и то, я потом попривыкла. Для себя искажающей лицо робости я не помню. Конечно, робеешь и пугаешься многого...

- А в каких ситуациях, если не секрет?

- Да-а-а... Я сильно задумалась. Ужасно задумалась. Нет, на самом деле я не образец робости. Я пугаюсь, как все, того, чего положено пугаться человеку. Но я справляюсь с собой. Хотя я уже не та, что прежде, но кое-какие ресурсы внутри себя ношу. Нет, я не очень робкая.

- Галина Волчек как-то заметила, что материнство – это вечная тревога. Вы, мама четверых детей, согласны с этим?

- Знаете, быть дочкой – это тоже вечная тревога. До той поры, пока... Многоточие. Вот, например, только что меня покинула моя возлюбленная учительница. Я цедила каждый день ее существования вблизи себя, и в этом тоже было очень много тревоги. Материнство – вечная тревога? Я не уверена, что это истина в высшей инстанции. Я бабушка шестерых внуков, и не могу сказать, что это намного менее тревожно. Вы знаете, что я вам скажу насчет материнства... Я со своими детьми дружу, у нас кооперативные отношения, сотрудниче-

на, за мной никакой профсоюз не стоит. Я привыкла к тревоге человеческой, социальной, возрастной, гендерной, как к обычнейшему положению вещей. Просто так получилось. Я очень мечтала найти какое-то братство и опереться, но у меня абсолютно не получалось. Ни за что. Ни за что.

- Ощущение плеча вам знакомо?

- Как помощи?

- Да.

- Не очень. Я уже давно думала, вероятно, что-то заключается в моем собственном темпераменте. Темперамент – это ведь всего-навсего твое собственное, из тебя текущее время. Ты – прибор по измерению его скорости, плотности на входе и на выходе через тебя. Что же такое ты? Если можешь, совмещаясь с пространством и другими живыми существами. Если ты неудобен им, значит, будет иначе. Я не очень удобна, и у меня не получается, я не успеваю опереться ни на чье плечо – меня несет и тащит дальше. В детском возрасте тащило одним способом, в дальнейшем – другим. И до сих пор это продолжается. Мне не на кого... Не на кого.

- Вам легко живется, дышится?

- Я не дружу с этим словом. Я не носитель самой тяжеловесной интонации и самой слоновьей походки в нашей стране, но – нелегко живется, нелегко дышится.

- Может быть, вы именно так воспринимаете жизнь?

- А вот это совершенно непонятно – граница так плотно выглядывает, что и я участвую в процессе, и среда моего обитания участвует. Что поделаться? Нелегко. Я не знаю ни отдыха, ни расслабленности, ни щадящего режима – он у меня не заведен. Последние два года я ужасно себя изнурила. И сейчас стала немного к себе милосерднее, стала иногда себя поощрять, похваливать и успокаивать. Провожу с собой аутопсихотерапию, потому что огромный неуют и неприспособленность среды ко мне. И есть еще просто вопрос пропитания, выживания... Очень много дискомфорта. Но не дай бог, вы что-нибудь буржуазное заподозрите на мой счет – немедленно расстаньтесь с этим, если можно – сию же секунду.

- Даже в мыслях не было.

- Я живу достаточно трудно и очень трудово, очень кустарно. И никакого социума, никакого цеха сотоварищей. Я очень дружу с людьми, у которых рукодельные профессии – парикмахерская, массажная... Мы понимаем друг друга в одну секунду.

- А если упростить вопрос... Вы, по моему, смешливый человек.

- Да, я не без юмора.

- Даже какая-то готовность улыбнуться в вас чувствуется. Это счастливое качество. Чему вы последний раз от души рассмеялись, что вас обрадовало?

- Ну, это легко. Меня можно чем угодно рассмешить.

- Глупостью какой-то?

- Глупостью – не очень. А тонким попаданием – запросто, безо всякого труда. Вот, скажем, насчет грузинофилии... Мы попали на выступления местных деток и в Рустави, и в этнографическом музее. Они танцевали на пуантах, восклицая «асса!»... И наши люди потом стыдливо друг другу говорили: «А я заплакал». Другой говорит: «И я плакал». Я говорю: «Братцы, нашли, чем удивить! Я вообще заливаюсь слезами, заливаюсь»... Нет, меня расшевелить абсолютно легко. Хотя анекдотом – очень

Вероника Долина

ские. И это не тревога, а особое, мучительное, сверлящее тебя чувство, но и его мы преодолеваем многожды в году. В нашей стране, в нашем городе, знаете ли, не расслабишься. И материнство - тревога, и стихи - тревога, и концертная жизнь... Я ничем не обеспече-

тах, восклицая «асса!»... И наши люди потом стыдливо друг другу говорили: «А я заплакал». Другой говорит: «И я плакал». Я говорю: «Братцы, нашли, чем удивить! Я вообще заливаюсь слезами, заливаюсь»... Нет, меня расшевелить абсолютно легко. Хотя анекдотом – очень

трудно.

- *Всякими шоу юмористическими...*

- Нет, нет. Это все специальная коммерция, направленная на расщекатывание боков толстокожих людей. С этим у меня проблемы. А жизнью меня растрогать очень легко.

- *Вы впервые в Грузии, и я не могу не спросить – как вам?*

- Я не смогу подобрать слова, и вам придется терпеливо к этому отнестись. Я должна подумать. Сейчас мы в курортной зоне, и это не в счет.

- *Значит, подумать надо только о Тбилиси...*

- Да.

- *Вы пробыли там четыре дня - может быть, это слишком недолго?*

- Недолго. Но четыре дня – для взрослого человека немало. А неюной поэтессе с большим опытом землепроходчества четыре дня – очень мало. Я как Атос, для Атоса – это слишком много, а для графа де ла Фер – слишком мало... Поэтому мы еще думаем об этом.

- *В рамках фестиваля состоялось ваше выступление. Мне показалось, что вы были строги с публикой...*

- Моя публика знает, что кое в чем я строга... А здесь – корпорация. Я выступала как бы на корпоративной вечеринке.

- *Но ведь слушатели наслаждались.*

- Мне не нужно, чтобы наслаждались. Если из моих тридцати минут хоть пять-семь им было хорошо, то мне этого достаточно. Фестиваль – это праздник по определению самодостаточных людей, это корпоративное увеселение. Они сами как бы счастливы общаться с собой и друг с другом. Понимаете, здесь я не могу притупиться... Хотя со многими я знакома. Но и не должно притупляться ко всем, к каждому из присутствующих здесь. Я вам так скажу – форма выражения каких-то симпатичных эмоций после моего песнопения мне совершенно необязательна и даже не рекомендована. Так получилось, так устроилось, что мы с моей публикой массу лет назад договорились – условно, но крепко – что четыре концерта из пяти идут без аплодисментов. Я маленький оркестр, я маленький спектакль, я включаюсь и иду до конца. Это же акт любви – нельзя много раз останавливаться.

- *Значит, по-пушкински – «ты сам свой высший суд»?*

- Да, я сама с собой разбираюсь и думаю, что это правильнее всего. Через всю мою жизнь прошло то, что я жестче всех сужу.

- *Объективнее ли? Вы чрезмерно жестки к себе...*

- Я и ко всем не очень мягка.

- *А пишется легко? Вы как-то говорили, что можете мыть посуду и сочинять новую песню...*

- Да, я пишу очень легко. А в этом году – отдельно легко. А в этом полугодии – трижды легко. У меня 55-летие надвигается, и у меня эра своего состояния, свой зенит очередной приближается. Когда пять лет назад мне исполнялось пятьдесят, я заметила, что со мной что-то делается – у меня было невероятное стечение удач, надо мной просто световой столп присутствовал все время. Сколько я смогла сделать, какой у меня был приток энергии! Какое все было эффективное, все шло к рукам – я не верила глазам, а оно шло.

- *И все само собой?*

- Не то слово! Просто посылками, специальной почтой!

- *То есть число 50 вас не пугало?*

- Да ну что вы... Я была в восторге.

- *А 55 как воспринимается?*

- Да мне все равно! Может быть, я просто медленно готовлюсь к шестидесяти или к семидесяти пяти. Постепенно.

- *В прошлое оглядываетесь?*

- Оно само смотрит в меня.

- *Каким взглядом?*

- Отчасти – моей биографией... Я очень старательная. Вы не представляете, какая. У меня на каждую загадку своя разгадка была запланирована, на каждое действие – свое противодействие. У меня в жизни были длинные уравнения, специальные, и в них было много догадок. Я вообще не могу понять, ну как меня угораздило замыслить несколько человек детей, ведь я же всего-навсего написала стихи, а потом это превратилось в концепцию.

- *«Когда б мы жили без затей, я нарожала бы детей от всех, кого любила»...*

- Ну, не от заезжих же идиотов. Не будем абсолютизировать. Жизнь рифмует, как хочет. А мы рифмуем, как умеем. У меня были такие длинные замыслы, что они по 25-30 лет исполняются. Многие – из стихов. Но многие – совершенно не из стихов. Например, лет десять назад – не будем в очень отдаленное прошлое заглядывать – я стала отделять от себя своего старшего мальчика и примерно придумывала, где ему жить. Мне невероятно важно, как называется улица, и я выбирала адреса по звуку, по запаху. И это не подвело. Цены были еще не очень сногшибательные, не сотни тысяч. Муж какой-то гонорар принесет, я какой-то привезу из Соединенных Штатов нашей Америки... Это все было совместимо с жизнью, и мы стали покупать маленькие квартиры детям. Но перед этим я поселила отца моих детей именно на той улице. Массу лет мы с ним, в сущности, не виделись, не общались и не дружили. А теперь... Господи, я не знаю, как это назвать – небольшой город, маленькая колония моих детей с моими внуками живет на одной улице. И сегодня общий дедушка моих шестерых внуков и общий папа моих троих взрослых детей, обитатель той же самой улицы, переходит из дома в дом и нянчит этих шестерых детей, а я оглядываюсь назад на десять лет назад и думаю, как же это я так придумала?

- *А стихи сбываются?*

- Да, повсеместно. За других не могу много отвечать. У меня – повсеместно.

- *У Тарковского есть строчки... (У Вероники становится очень недовольный вид). Что, не цитировать?*

- Что бы ни сказал Тарковский и многие об этом, это почти всегда общее место. Сбывается очень многое.

- *Не только стихи, но и сказанные слова сбываются.*

- Да, говорить надо аккуратно. И стихи писать с некоторой тщательностью, с оглядкой.

- *По всему миру проводится много поэтических фестивалей...*

- Я нигде не принимаю участия.

- *Как вы думаете, они имеют какое-то значение?*

- Я думаю, нет.

- *А что может поэзия?*

- Много. Даже в русской речи, абсолютно извращеннейшей, растерявшейся, истончившейся, опозорившей себя немыслимое число раз, слово все еще кое на что способно. А фестивали – ни на что. В былые песенные годы у нас были какие-то развеселые вещи, в меру средневековые, но это было 25 лет назад, когда многие были живы. И это тоже все ушло. Качество и текст из наших гитарных рук тоже практически выскользнули. Если удастся хоть что-то начертать, это большая удача. В речи большие несчастья произошли, большие несвободы. Неслыханная по тяжести несвободности поступь начальства. Низкие деньги, ничего не стоящие. Даже если они добыты, отбиты у противника в бою, они на Руси ничего не стоят... Пойди, разберись, как же жить?

- *Как же жить?*

- Это невероятно. Невероятно...

- *На вашем сайте я прочла стихотворение, посвященное Егору Гайдару. Он был вашим однокашником?*

- Одноклассником.

- Простите, пошел такой поток сознания, но – мы говорим, как жить, и почему-то вспомнились реформы гайдаровские. Резать по-живому – это метод для решения проблем?

- (После долгого молчания). Понимаете, в этой стране так ничего и не придумали. Ни по-живому, ни по-мертвому. Подразумевается, что резкий, яркий реформатор – это двигатель прогресса. А как иначе? Резать по-живому... Сейчас заживили все, что было слегка разрезано, зашили, зализали, заклеили – и не знаешь, что это было. Ничего, не волнуйтесь, уже нет никакой собственности, уже нет никаких возможностей самому продвигать и продвигаться, как в свободном мире. Я не поклонница конкретно Гайдара, откровенно говоря, но я поклонница идей прогресса. А насчет «резать по-живому»... Подумаешь, какое дело! Женщина рождает детей, ей промежность разрезают... Подумаешь! Заживает.

- Вы часто бываете во Франции. А там как вам дышится?

- На участке, который мною облюбован, мне очень хорошо дышится.

- А что это за участок?

- Лет пять назад мы купили небольшое жилище в Нормандии – оно стоило, как маленькая хрущевская квартирка в Москве. Это было очень решаемо, очень нетрудно. Западная простота происходящего была для меня сногшибательна... Как мне там дышится? По-нормандски. У нас полное отсутствие гламура, у нас нет людей, говорящих по-русски – ни-ко-го. Я нахожусь в 25 километрах от моря, это северо-запад, на Ла-Манше, то есть курортной зоны, меня тяготящей, нет. Я живу в старом городке, на малюсенькой готической улице, вблизи собора. Мы хотели быть в городе, как горожане. Никто и не замахивался на загородные усадьбы.

- Французский язык не забыли?

- Нет. На этом горячем все и произошло. Что вы! Я такой француз внутри!

- Тогда в Париже вы должны были побывать на улице Феру.

- И на улице Старой Голубятни...

- И на улице Вожирар...

- Ну конечно. Абсолютно. У меня есть любимая приятельница, она водит специальную экскурсию – «Париж Дюма»... А нормандцы не ездят в Париж – там им неуютно, и столько иностранцев, и от моря далеко. Мы, нормандцы, очень просты. Хотя гламур есть в отдельных резервациях. Например, город Довиль – рядом со мной, в 15-ти километрах.

- О Довиле я знаю по фильму «Мужчина и женщина».

- «Мужчина и женщина», конечно-конечно! Довиль – это пески, отливы-приливы. Это оно. Там мы купаем детей. А я все не ездила в Довиль, потому что там буржуазная зона – это Монако такое, рулетки, скачки...

- Вы не азартны?

- Смеетесь? У меня денег нет.

- А если б были?

- Я бы что-нибудь другое придумала. Так вот, за пять лет во Франции я давно прошарила цветаевские места – она приехала туда жить со своим мальчиком, вышла в Гавре, и я представляю ее себе, просто вижу... Разные чудесные местечки, где я вижу, вижу, как там жил-поживал Мопассан, как вечеринки собирал... В Трувиле, где стоит памятник Флоберу, вижу, как он себе придумывал мадам Бовари. Мне дорого это, важно. Со своих десяти лет, когда я эти книги освоила, – они мои любимцы. Они меня собирали, как конструктор.

- Вас собирали те, кого вы любили?

- Конечно.

- А кто еще вас собирал?

- Очень много всего. Отчего-то вам показалось, что я легко улыбаюсь... Так вот, я ничего не делаю так легко, как читаю. Знаете, сколько я всего перелопатила? Когда я, бедная, в конце школы оглянулась, все мною было перевернуто, перечитано, все собрания были перечитаны по три-пять раз...

- Какие книги вы положили бы к себе поближе, чтобы рукой сразу дотянуться?

- Много. Милан Кундера, Умберто Экко – сегодняшние люди, которые очень взбодрили мои уже взрослые взрослые. Если бы каким-то образом, каким-то феноменом природы их бы не оказалось в живой литературной жизни последних десятилетий, я думаю либо меня не было вообще уже лет 15 на свете, либо я была бы абсолютно другой...

- Они вас вылечили, оздоровили?

- Да. Массу вещей подлечили, разъяснили, расставили по местам.

- А в поэзии?

- Колоссально много. В юные годы одно, потом немножко другое. Вы назвали Тарковского... Я к нему тоже не так редко обращаюсь – с его потаенностью, невысказанностью почти во всем самом главном. Советскому поэту всегда так хотелось расстаться с тайной. Ну не Тарковскому, ясное дело. А без тайны нет

поэзии. Если нет тайны, мы не договоримся. Просто совсем не договоримся. Тайна выглядит по-разному. Даже когда просто есть дистанция, это тоже небольшая тайна. Поэтому и французская литература, и французское кино всегда меня не то что притягивали, а как бы подлечивали. Попробуй с возлюбленным или с близкими людьми договориться. Очень трудно удержать себя или их в состоянии тайны, недосказанности. А там, где другой язык, – это априорно так. Тайна есть, и она поддерживает любовь. Что касается поэзии, целая моя

грань возвращена на песнях Галича, но до этого все мои грани были чрезвычайно облагорожены огромной эстетикой Окуджавы.

- А Высоцкий как-то коснулся вас?

- Для меня Высоцкий – очень большой реформатор в песенной, стиховно-позитиве. Я очень люблю Высоцкого, но есть люди, которых я люблю поболее. Но песенная тема – больная совершенно. Мы же «шансон де жест». Ты должен, прошу прощения, судьбой доказать, что ты поэт и вообще заплатить по счетам. Как Галич. Как Высоцкий. Если доживешь до седин, как Булат Шалвович, то поплачешься другим способом.

- А что сейчас происходит в песне?

- У нас очень все неважно. Мы под очень прямыми лучами, понимаете? Мы очень близко находимся от источника. У нас нет дистанции. Мы очень близко стоим от механизма, в котором родились советские люди, в котором перерабатываются советские жизни, мы очень глупым, детским, остервенелым взглядом смотрим на усилия власти. Поэтому нам в глаз и летит камень. Таким, как мы, трудно. Но у нас «шансон де жест». Песня должна быть реальной.

- Бывают концерты, после которых вы чувствуете, что все прошло так, как вам бы хотелось?

- Бывает. Нечасто. Когда-то бывало часто, а когда-то очень часто. Притом досадно, что я тогда так мало хотела, а свершения были, а теперь я так много хочу от концерта, а свершения редки. Но теперь должно быть все – свет, звук, полный зал. И неважно, какие люди в зале – мы договоримся.

- А в каком настроении зрители должны выходить из зала после вашего концерта?

- Это не настроение. Возможно, это состояние. Шлейф должен быть. И он будет. Послевкусие будет. Вчерашнее мое выступление, я вам уже сказала, - не концерт. Концерт – это очень серьезная работа. А вчера было легкое погружение, легчайшей степени гипноз.

- А вы знаете, мне уже двое сказали, что вас всю ночь во сне видели...

- Нашим людям только палец покажи... Я говорю не в плохом смысле. Мне самой много чего снится, не в этом дело. Я тут не при чем. Тут все находится в состоянии перманентного получения подарков: Грузия – подарок, ты да я – подарок, грузинский стол – подарок. И вчера, я прошу прощения, - это не в счет. Это как сложную пьесу сыграть на скрипочке без оркестра, резко закончить, кивнуть людям головой и сойти со сцены.

- Тогда, теперь уже я прошу прощения, я пожелаю нам, чтобы в недалеком будущем состоялось такое выступление, которое – в счет.

- Такие, как я, выступают «лайф» - живые, пока живые. Ничего не получится в ближайшее время. Это очень трудно. Мы с вами сейчас живем на разных планетах.

- А мне кажется, что все поправимо.

- Ого-го-го. Вы что? Каким же образом?

- Я не знаю, но что-то произойдет, и все нормализуется... Если я буду думать иначе, то не смогу жить дальше.

- Но как вы это видите?

- Происходят же невообразимые вещи. Если бы вам, школьнице, кто-то сказал, что через несколько лет развалится СССР и Компартия, откроются границы, рухнет Берлинская стена, вы бы, наверное, посоветовали такому умнику проспать...

- Нет. Вы меня совсем за что-то не то принимаете. Это все было написано в моих записных книжках, когда мне было 12-13 лет.

- Да вы что...

- Да вот то. И совершенно не виделось мне в этом никакой утопии. И в записных книжках я писала, где примерно будут учиться мои дети. У меня описано, как я иду по берегу Женевского озера, как там дети резвятся...

- Может быть, все это реализовалось силой вашего желания?

- Да нет, абсолютно. Вы не представляете, я никогда не была не то что на комсомольском или профсоюзном собрании, я вообще ничего не знала про это. У меня есть ряд вещей, о которых я понятия не имела. Например, учась в университете, я не знала, что существует академический отпуск. Я на первом курсе вышла замуж, на втором родила мальчика, а спустя массу лет обнаружилось, что надо было взять академический. Я не знала, что можно не сдать сессию и иметь хвосты. Ну не знала. Во мне какая-то маленькая аномалия. Вот тут нам раздали пакеты с подарками в первый день фестивалю – я и не подумала в них заглянуть.

- А там были пригласительные билеты, программа пребывания...

- Я на другом, видимо, сфокусирована. Мне в голову не приходит прислушиваться к потоку. Практически всегда. Помню, я своего старшего мальчика привела в школу, которую я кончала, а моя классная руководительница была директором. Мальчику было 6, а мне, значит, 26. Я захожу в ее кабинет: – Наталья Павловна, я сынишку к вам привела.

- Ну, заходи. Я зашла и присела на угол ее стола. Она покосилась на меня, но ничего не сказала... Но я всегда помню себя, вошедшую с мальчиком за руку и присевшую на угол стола. Вот такая вот ерунда во мне заключается, без бравады. Что-то происходит и толкает меня сесть не на стул. Понимаете? Я сама не очень понимаю... Например, когда меня останавливает гаишник, я никогда не выхожу из машины. Это не потому, что у меня повышенное понятие о себе и пониженное о нем. У меня в этот момент резко очерчивается пространство и как бы луч падает, в некотором роде делается театр. Гаишник говорит: - Ну-ка, пройдемте ко мне в машину. А я отвечаю: - Нет, это вы ко мне сядьте. И он садится. Вот так. Понимаете?

- Понимаю.

- Ну и все.

НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ

«Русский клуб» сердечно поздравляет Веронику ДОЛИНУ с днем рождения и желает ей здоровья и благоденствия!

ХРИСТИАНСТВО — ВЕРНЫЙ ПУТЬ

Гостем IV международного русско-грузинского поэтического фестиваля был публицист и литературный критик, священник, руководитель пресслужбы Патриарха Московского и всея Руси, Владимир Николаевич Вигилянский. Он ответил на вопросы корреспондента «Русского клуба».

- Многие считают, что влияние христианства в России возросло. Так ли это? Если можно говорить о возрождении христианства, то что именно возрождается: учение Церкви или христианство как часть русской идентичности?

- Я не считаю, что роль христианства в России возросла. К великому сожалению, мы живем в век тотальной секуляризации, и это ощущается сегодня самым острым образом. Другое дело, что многие страны постсоветского пространства — Россия, Грузия, в том числе, где христианство было подавлено атеистическим мировоззрением, идеологией, изголодавшиеся по истине, по вечному Богу нации и народы испытали на себе в последние пятнадцать лет настоящее возрождение. Конечно, со многими оговорками. Хотя пока это имеет отношение к общим процессам в этих странах, которые я упомянул. Что касается Европы, то мы видим, как католичество сдало свою христианскую основу, капитулировало... Лет десять назад я был во Франции, когда страна праздновала 1500-летие Крещения. Приехал Папа Римский, и были антиклерикальные демонстрации, повсюду висели кощунственные плакаты, лозунги. Многие французы демонстративно отказывались от крещения на паперти храма. За полчаса до прибытия Папы Римского были звонки о минировании соборов, так что понтифик не допускался до богослужения. То есть творилось просто безобразие! Несмотря на долгую и противоречивую историю взаимоотношений православия и католичества, сердце мое лежало исключительно в поддержку католиков Франции. Мы наблюдаем чудовищные процессы в Испании, Италии - странах исконно католических. Видим, как сдаются позиции относительно фундаментальных, доктринальных принципов христианства во всем мире. Что касается России, то в настоящее время мы можем наблюдать период небывалого возрождения христианского сознания. То, что я говорю о России, отчасти относится и к Грузии. В последние два десятилетия люди в России осознают себя православными. Практически две трети населения называют себя христианами и православными. Это не значит, что все они воцерковленные, церковные люди. Тем не менее, социологи утверждают, что в той или иной, в большей или меньшей степени, так или иначе 18-20 процентов населения участвует в церковных таинствах. Пусть это бывает очень редко, но процесс воцерковления происходит. Собственно церковных людей, которые по воскресеньям обязательно ходят в храм и участвуют в церковных таинствах, очень мало — около пяти-шести процентов. Написано несколько фундаментальных исследований о том, что такое воцерковление. Социолог Валентина Чеснокова занималась этой проблематикой более десяти лет и разработала целую систему. Существует пять степеней, по которым она распределила опрашиваемых людей... Конечно, людей, находящихся около церковной ограды, огромное количество — во много раз больше, чем внутри церкви. Но если посмотреть на ту же самую статистику, то мы убедимся в очень инте-

Отец Владимир Вигилянский

ресных вещах. В Российской Федерации всего лишь 16 тысяч священников. Для огромной страны это очень мало. К примеру, пожарных, водителей троллейбусов и т.д. намного больше. Зарегистрированных, получивших лицензию колдунов, целителей, экстрасенсов в десять раз больше! А священников не просто очень мало, они к тому же весьма странно распределены в Российской Федерации — к примеру, в Москве с официальной численностью ее населения в 12 миллионов человек всего тысяча священников. Это ничтожно мало даже в сравнении с другими регионами России. Причина — в существовавшей традиции истребления христианского сознания, сословия священнослужителей, отсутствия институтов внутри церкви — их нужно было восстанавливать с нуля. Образование, культура, издательские процессы, миссионерская деятельность, катехизаторская деятельность, взаимоотношения церкви и общества — все нужно было начинать с чистого листа. Традиции были утрачены. Это в первую очередь. Во вторую очередь — создание совершенно искривленного по своей сути образа церкви, христианства и православия в массовом сознании. В этом виновата и творческая интеллигенция, имеющая мнение обо всем, даже о том, чего она не знает. Невежество меня поражает! Даже в среде людей образованных. Ведь понимание христианства это есть религиозный опыт. Если его нет, то со стороны всегда будет создаваться искривленный образ.

В 90-е годы в СМИ происходило обдуманное противодействие религиозному возрождению, развернулась серия информационных войн со стороны людей, воспитанных на почве атеизма. Эти войны имели самые разные формы. Подобное было и со стороны либерального сообщества, не приемлющего религиозное сознание. И даже из-за рубежа. Потому что религиозное возрождение объединяет народ, скрепляет нацию. Кому-то это было невыгодно. Одной из причин невозможности противостоять этой агрессивной и воинствующей экспансии было то, что церковь находилась в информационной блокаде. Нельзя было ответить!.. Я пришел в церковь из среды литературы, журналистики. Работал в журнале «Огонек», заведовал отделом. Был главным редактором журнала, воскресного приложения «Московских новостей». Очень хорошо знаю эту кухню. Став священником, я изнутри понимаю все механизмы масс-медиа. К началу 2000 года революцию произвел Интернет, разрушивший информационную

блокаду. Создалось небывалое количество православных сайтов – 3 тысячи! Мы, конечно, продавили эту блокаду. Уже невозможно было безнаказанно клеветать, потому что немедленно шло разоблачение. Начиная с 2000 года, религиозная тематика во многих средствах массовой информации стала освещаться и профессионально, и объективно. Ситуация сегодня изменилась. Поначалу шли стихийные процессы, а сейчас происходит их регулирование, особенно с приходом патриарха Кирилла, человека системного, чрезвычайно умного, понимающего многие процессы, умеющего обобщать, синтезировать, создавать стратегии. И это совершенно не случайно: время избрало именно такого человека – он отвечает запросам дня. Как отвечал запросам времени прежний патриарх, сыгравший выдающуюся роль в процессах возрождения христианства в России.

- *Что вы скажете о христианстве как о части русской идентичности?*

- Этот момент очень важен, обычно так и объясняют процессы возрождения. Действительно, если я русский, значит православный. Я встречал многих людей, которые говорили: как мой дед, прадед ходили в церковь, так и я должен быть православным. Этот момент русской идентичности, безусловно, есть. Но христианство как часть русской идентичности есть положительная и не всегда положительная вещь. Потому что некоторые люди самоуспокаиваются, считают, что этого вполне достаточно: ничего не понимать, ничего не знать, не иметь никаких представлений о православной культуре, но считать себя православными и на этом самоуспокоиться. Такова огромная часть людей! Меня пугает именно самоуспокоение. Потому что невежество невежеству рознь. Одно дело: «Я невежественный человек, но я хочу что-то узнать!» И совсем другое: «Я невежественный человек, который утверждает свое невежество как норму». Поэтому я считаю, что христианство как часть русской идентичности это очень хорошо и одновременно очень плохо. Смотря как посмотреть. Православие в своих высших проявлениях стирает многие, даже национальные черты. Когда человек получает небесное гражданство, насколько важно, что у него записано в паспорте? Это важно в земной жизни. А что перед смертью? В своей замечательной статье «Искусство при свете совести» Марина Цветаева размышляет о месте и значении поэта в жизни. Что такое собственно поэт? Его к смертному одру человек не позовет. Он позовет священника или врача. Поэтому поэты должны знать свое место. То же самое и здесь. Для небесного царства нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни господина, ни даже мужского и женского пола. И что тут говорить о национальной идентичности? Нужно просто понимать контекст. Хотя, безусловно, и нацию, и положение в государстве церковь осознает. Это должен осознавать христианин – быть патриотом своей страны и защищать свою родину на земном уровне – уровне времени, эта идентичность на определенном этапе духовного возрождения очень важна. Но в высшем смысле – нет, даже этого не нужно. Любой священнослужитель это понимает и знает. Мы видим, какое количество мусульман, иудеев переходят в православие и становятся христианами. Крестятся те, у кого родители были мусульманами или, по крайней мере, из этой культуры. И тут стираются какие-то грани. Московский патриархат простирает свой защитный покров над православными людьми из семнадцати стран. И это не только русские, но и украинцы, белорусы и т.д., у которых своя идентичность. Огромная часть православных людей живет в Европе и вообще не знает русского языка. В русской православной традиции есть святой Николай Японский, он был миссионером в Японии в XIX веке и создал там православную общину, у него было более 10 священников. И вот нача-

лась русско-японская война 1904-1905 годов. Мы же молимся о властях и воинстве той страны, в которой живем. И вот этот епископ молился за японского императора, который воевал против России. А в России его коллеги молились за Николая II... И никакого противоречия! Мы ведь не молимся за то, чтобы один император убил большое количество людей. Речь идет о мирном сосуществовании. И Христос призывают молиться даже за врагов. Это говорит о том, что земные границы и различия не похожи на те границы и различия, которые есть в религиозном, христианском сознании.

- *Может ли безусловная преданность христианской истине совмещаться с мировоззренческим плюрализмом, с серьезным отношением к чужим истинам?*

- Это очень важный для современной жизни вопрос. Я не знаю, как в словаре грузинского языка. В словаре же русского языка до советской власти слово «истина» имело единственное число. Многие истин быть не могло, потому что для христианского сознания истина одна, и она абсолютна, неотнositельна. В Евангелии Христос говорит: я есть путь, истина и жизнь. Для нас понимание истины и есть понимание Христа. И во времена Крещения священник читает такую молитву: благословен Бог, который хочет для всех людей, чтобы они получили спасение, пришли к истине. То есть для нас спасение есть познание истины. Спасение – это значит жить ради Христа, вместе с Христом и воздавать ему то должное, что мы воздаем истине вообще. Так что многих истин для христианского сознания не существует. Мы можем быть плюралистами в современном понимании только в смысле своего человеколюбия и терпимости. Но это не означает, что мы готовы на какие-то компромиссы, связанные с изменением этой истины или изменой этой истине. Ни в коем случае! «Будь верен в малом!» - говорит Христос. В самом малом надо быть верным – не поступаться ничем! Но мы обязаны проявлять любовь и снисхождение даже к врагам, не говоря уже о людях, искренне заблуждающихся, поклоняющихся иной истине, или атеистам. И все же у Христа никакого уравнительного представления о справедливости нет. Мы действуем так: «Если я дал взаймы пятьдесят, то отдай мне пятьдесят!» У Христа совершенно по-другому. Он готов все отдать и не требовать ничего назад. То есть представления о справедливости в земном понимании здесь нет... И нас призывают к этой жертвенности? Какая же жертвенность, если я отдаю пятьдесят и хочу получить столько же и иногда даже с процентами? Никакой жертвенности здесь нет! Жертвенность – когда я все отдаю и ничего не прошу взамен. Мы не должны поступаться этой истиной, мы знаем, где она, где спасение! Так что современное понимание плюрализма для религиозного сознания иногда бывает смешным, анекдотичным. А в худшем случае плюрализм порой обретает тоталитарный оскал, становится тоталитарным кошмаром. Возможно даже, что он приобретет черты более страшные, чем коммунистический террор.

- *Что вы можете сказать о терпимости Русской Православной Церкви к представителям других конфессий, других этнических групп, к неверующим?*

- Я не дипломат. Церковные дипломаты лучше могли бы ответить вам на этот вопрос, чем я. Представители церкви проявляют большую дипломатичность во взаимоотношениях с иными конфессиями и пытаются найти точки соприкосновения по многим вопросам, связанным с социальной функцией религиозных объединений, по гуманитарным и иным вопросам. Не нужно искать моменты, которые нас разделяют, нужно искать то, что объединяет. И поэтому и внутри христианских деноминаций, и внутри любых других религиозных групп пытаются найти точки соприкосновения... Такова официальная политика церкви. У нас нет никаких агрессивных высказываний, постановлений в отношении других

религиозных групп. Мало того, Православная Церковь вступает в любые организации, связанные с объединительными процессами, помощи другим людям. Но я считаю, что мы мало общаемся. И все остается на уровне разговоров, конференций, а каких-то общих дел не вижу. Их слишком мало!

- В недавней ситуации обострения российско-грузинских отношений только церкви не прерывали диалог. В какой мере православие может спасти наши народы и вывести их из тупика? И должны ли вообще христиане вмешиваться в политику?

- Каждый христианин не может не вмешиваться в политику. Это не значит, что мы должны жить по законам этой политики, агрессии или преступного соглашательства, где два пишут, а три в уме. Но православная церковь поддерживает политические движения в государстве, любые объединительные процессы и никогда не поддержит процессы разъединительные. Я это наблюдаю и в Греции, и в Сербии, и в Румынии, и в Болгарии, и в Грузии, и в России. Никогда церковь не будет поддерживать любые процессы, которые разделяют людей. В этом великая положительная роль христианства. Она никогда не будет благословлять никакие крестовые походы, никакие вооруженные стычки. И мы всегда найдем общий язык с православными поместными церквями, потому что у нас единые взгляды на ситуацию. В этом смысле церковь не просто вмешивается в политику, а должна и обязана вмешиваться, используя всякого рода дипломатические ходы. Кроме того, мы уже говорили, что в вопросах нравственности секулярное и религиозное мышление – разные. От этого никуда не деться. У нас разные представления о нравственности. Но и в области канонического права законы церкви другие, чем законы государства. Если государства могут кроить границы, отвоевывать и завоевывать земли, проявлять агрессию, то для церкви это невозможно. Мы уважаем каноническую целостность любой поместной церкви. К российско-грузинской ситуации это имеет прямое, непосредственное отношение.

- Примерно треть жителей нашей планеты считают себя христианами. Однако мир сегодня как никогда политически разделен и полон насилия. Значит ли это, что путь христианства, который указал Иисус, ошибочный?

- По статистике в нашей стране 75-80 процентов христиан. Значит ли это, что они живут по христианским законам? Нет, конечно. Более того, даже о 5-8 процентах церковных людей я не могу сказать, что они живут по христианским законам. Да я и про себя такого не могу утверждать. Церковь – это собрание грешников. К ним обратился Христос с призывом: «Покайтесь! Ибо приблизилось царствие Божье!» Мы собрание грешников со своими страстями, еле-еле с ними справляемся. Все не так просто. Чем больше будет грешников, осознающих свою греховность, тем меньше будет фарисеев, признающих свое величие, диктующих другим свои законы и кичащихся святостью. Тем быстрее этот мир изменится к лучшему. Христианство – верный путь. Христос говорил так: «Крепись, малое стадо!» Во все времена стадо всегда будет малым. Потому что в борьбе между праведностью и греховностью грех всегда будет побеждать, ведь зло гораздо организованнее, чем добро. Кто-то даже сказал: в мире 90 процентов добра и 10 процентов – зла. Но эти 10 процентов так организовано, что подавляет остальные 90 процентов. Нам нужно учиться противостоять этому во всех уголках мира. Никто не сказал, что христианство – это комфорт. Комфорт и христианство – противоположные вещи. Наше тело стремится к комфорту, а душа терпит невзгоды. А наш ум должен это понимать и обуздывать тело для того, чтобы очистить душу. Вот такая программа действий!

- Владимир Николаевич, когда вы в последний раз были в Грузии?

- Шесть с половиной лет назад я читал в Тби-

лисском государственном университете имени И.Джавахишвили лекции, беседовал со многими иерархами, священнослужителями Грузинской Православной Церкви. Каждый год бывали вместе с женой в Грузии. Моя супруга, поэт и переводчик Олеся Николаева, переводила грузинских поэтов очень много. В издательстве «Мерани» даже вышла ее книга. У нас здесь всегда было очень много друзей, большинство уже умерло, многие разъехались, живут в Европе, в Москве. Среди них писатели, наши друзья. Мы дружим с поэтом Бесиком Харанаули, с его семьей, сыном, художником Леваном Харанаули, дочерью, известным византологом Анной Харанаули. Со многими дружим... В Москве я служу в храме, и среди наших прихожан большая группа грузин – людей самых разных профессий. И слава Богу! По отношению к ним никаких притеснений нет. Да и к русским, которые в Грузии живут, тоже отношение хорошее. К счастью, в этом смысле мир не изменился.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Встречи на фестивале поэзии-2010

ВОЛНЫ ТВОРЧЕСТВА

ЕЛЕНА ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН
– ПИСАТЕЛЬ, ПОЭТ, ЖУРНАЛИСТ.
С 2001 ГОДА ПРОЖИВАЕТ
В ЕРЕВАНЕ. РЕДАКТОР
ДЕТСКОЙ ГАЗЕТЫ «НОВОЕ
ПОКОЛЕНИЕ». ОРГАНИЗАТОР
МЕЖДУНАРОДНОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА
«МОТИВЫ». ЧЛЕН СОЮЗА
ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ И СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ АРМЕНИИ. АВТОР
ЧЕТЫРЕХ КНИГ СТИХОВ И ПРОЗЫ,
А ТАКЖЕ МНОГОЧИСЛЕННЫХ
ПУБЛИКАЦИЙ В АРМЯНСКОЙ
И РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ.
УЧАСТВОВАЛА В БОЛЕЕ 20
КОЛЛЕКТИВНЫХ СБОРНИКАХ. В
2009 И 2010 ГОДАХ – УЧАСТНИЦА
МЕЖДУНАРОДНОГО РУССКО-
ГРУЗИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО
ФЕСТИВАЛЯ В ГРУЗИИ,
ОРГАНИЗУЕМОГО МКПС
«РУССКИЙ КЛУБ».

своем родном городе.

- Это город-герой и город героев. Город, в котором испытываешь ощущения возрожденной жизни во всем. От Сталинграда остались старая мельница и Дом Павлова. Новая жизнь строилась на крови героев. Особую гордость я испытала, разговаривая с немцем, который поинтересовался, откуда я родом. Назвала Волгоград, это ему ничего не сказало. Когда я произнесла «Сталинград», он воскликнул: «О! Этот город знают все немцы!»

- А Ереван стал вам второй родиной?

- Отвечу стихотворением:

Елена Шуваева-Петросян

- Несмотря на то, что я добрый десяток лет прожила по соседству с Грузией, эту страну мне открыл русско-грузинский фестиваль поэзии. Так я стала частым гостем в Грузии, которая мне очень полкубилась. Мне интересны древние народы, их культура и традиции, из которых складывается впечатляющий колорит страны. Русско-грузинский фестиваль в условиях сложившейся политической ситуации выглядит как спасительная лодка, такая маленькая, но крепенькая. Это очередное доказательство, на что способно искусство. Фестиваль, объединивший в себе столько стран, похож на государство в государстве. И имя ему – искусство. И я желаю, чтобы дело, за которое благородно взялись Николай Свентицкий и его сподвижники, продолжалось и дало свои плоды. Христос сказал: «Не может дерево доброе приносить плоды худые». Эти же слова можно отнести к деятельности вашего фестиваля.

- Вы верите, что искусство делает мир лучше?

- Безусловно. Лучше держать в руках перо, чем оружие.

- Елена, вы родились в Волгограде. Расскажите о

Я не хочу быть псевдопатриотом
И пафосом дышать в стихах.
Россия мне была (и есть!) оплотом,
Я о ее грущу степях.

Но затерявшись в оных, я не скрою,
Как о камнях порой взгрустну.
И облако, ласкалось что с горою,
Напомнит мне армянскую страну.

- Вы быстро привыкли к темпу жизни и традициям в Армении?

- Не очень быстро. Мне не хватало московского ритма жизни. Все-таки в закавказских странах живут более расслабленно, много времени уделяют посиделкам, разговорам по душам. Но это не в упрек. Наверно, это и есть нормальная человеческая жизнь.

- Если бы у вас была возможность выбирать, в какой стране вы бы хотели родиться и жить?

- Конечно же, там, где мне уже было суждено родиться. Говорят, что душа человека принадлежит тому

месту, где он родился. Я никогда не отрывалась от своей родины. Она во мне, она всегда со мной. Она питает меня, дает силы...

- Скажите, пожалуйста, в чем на ваш взгляд назначение поэзии? И какое место она занимает в вашей жизни?

- Для меня поэзия – это внушительная часть жизни. Некогда Маяковский о назначении поэзии сказал так:

Но как
 испепеляюще
 слов этих жжение
рядом
 с тлением
 слова-сырца.
Эти слова
 приводят в движение
тысячи лет
 миллионов сердца.

К сожалению, сейчас слово утратило свою власть и вряд ли сейчас представляется возможным глаголом жечь сердца. Но все-таки поэзия нужна людям, поэтому должна продолжать свои традиции – возносить человеческие ценности, законы морали, воспевать родное. Поэт способен поделиться с читателем своей душой, поэтому этот посыл должен быть чистым и светлым.

- Поэзия – это мастерство или дар Божий?

- Есть такое выражение, что от Бога нам дано много даров, из которых мы развиваем один-два. Поэтическая сущность человека – это, несомненно, дар Божий, который нуждается в поддержке мастеров.

- Как у вас складывается творческий процесс?

- Творческий процесс бывает и радостным, и мучительным. Главное, чтобы итог приносил радость. Поэтическая муза обычно накачивает неожиданно и требует немедленного общения с ней. Стоит помедлить, считай, что проморгал лучшие строки. С прозой дело обстоит иначе. Появляются образы, которые требуют обработки, шлифовки. Они довольно-таки долго созревают, домысливаются. Но этот процесс нужно пережить, иначе ничего путного не выйдет. Наверно, поэтому у меня рассказов гораздо меньше, чем стихотворений.

- Что питает ваше вдохновение?

- Впечатлительных людей всегда переполняют эмоции. Бывает, я чувствую, что поймала волну творческого

транса, тогда не могу остановиться, будто кто-то водит моей рукой, а я покорно поддаюсь. Бывают периоды застоя. Но и они необходимы, чтобы потом взахлеб, на износ отдаться творчеству. В мире так много прекрасного, главное – умение видеть и ценить его. Проснулся человек утром, увидел солнечный луч и мирное голубое небо, разве это не повод для улыбки?! Для меня нет ничего приятнее возвращения в детство и юность, босоногих пробежек по утренней холодной росе, утопания в травах, чувствования позвоночником пульса земли, погружения в небо... Мы все – дети, пока живы наши родители. Мои родители каждое лето мне дарят детство. Для меня это и отдых и возрождение.

- Какое место вы отводите журналистике?

- Это моя основная деятельность и способ зарабатывания денег. Занимаюсь этим я со школьных лет: после уроков ездила на велосипеде по полям, делала интервью с трактористами, комбайнерами, поварами полевых станов... Районная газета охотно публиковала вести с полей. Без преувеличения, в журналистике я уже 16 лет и очень люблю свою работу. Каждое дело, за которое я берусь, делаю с любовью. А иначе, это халтура.

- Какова русскоязычная литературная среда в Ереване?

- К сожалению, русскоязычных писателей в Армении не так много, как в Грузии (фестиваль позволяет мне прийти к такому выводу). У вас чувствуется, что они держатся друг за друга, объединяются, как это сделал «Молот О.К.», издаются журналы на русском языке. В Армении единственный русскоязычный журнал «Литературная Армения», который, перешагнув 50-летний рубеж, может уйти в небытие. И никому до этого нет дела. Все годы своего существования журнал достойно выполнял свою главную гуманитарную функцию сближения культур, воспитания художественного вкуса, публикуя лучшие образцы творчества мастеров поэзии, прозы и критики. Главный редактор журнала «Дружба народов» Александр Эбаноидзе как-то заметил, что за годы своего существования «Литературная Армения» стала надежным каналом связи между писателями республики, писателями многонациональной России и других стран, с ее страниц пришли к читателям десятки и сотни произведений разных жанров, раскрывающих жизнь, творческий дух, самобытность братского народа. Некогда автор «Литературной газеты» Борис Евсеев написал в своей статье: «Хвала же

оттощало с бледненькой обложкою и явно небогатому журналу, поддерживающему в столь скудные времена, никем не отменяемую русско-армянскую духовную связь». И вот «оттощальный с бледненькой обложкою» на последнем издыхании. С уходом «Литературной Армении» уйдет целый культурный пласт. Ведь русский язык в Армении уже стоит на одной планке с английским.

- Что вы могли бы посоветовать молодым литераторам, пишущим на русском языке, в Армении и Грузии?

- Сохранять культуру русского языка. Этот язык еще долгое время будет общим для стран постсоветского пространства. И, конечно же, восстанавливать мосты, объединяться и поддерживать друг друга.

Алена ДЕНЯГА

НЕВЕСТА С СЕВЕРА

Жила-была девочка Галя. В центре Москвы, на Трубной улице. В семье еще мама, брат Саша. Отца, скорняка, репрессировали в 1941 году, сослали в Омскую область, откуда он не вернулся. Потом его посмертно реабилитировали, но это не утешило семью, лишившуюся своей главной опоры.

Гале Минаичевой на момент ареста отца было тринадцать лет.

В одиннадцать будущая олимпийская чемпионка приобщилась к спорту. Физрук Джеймс Ахмеди, иранец по происхождению, организовал школьную гимнастическую секцию из дюжины девочек и ребят, и ее в том числе.

Шел военный сорок второй год. Не было у новобранцев секции ни надлежащего инвентаря, ни спортивной формы. Галя занималась и выступала в тапочках, которые мать сшила из старой фетровой шляпы. В них одержала первые скромные победы, защищая честь общества «Динамо», куда перешла вслед за тренером. В 15-16 лет соревновалась среди перворазрядников. В 1949-м выполнила норму мастера спорта. Годом раньше была участницей XI Сокольского съезда в Праге на-

ряду с посланцами Армении и Грузии. Потом Минаичеву увидели в составе советской спортивной делегации в Швеции, первой капиталистической стране, где им довелось соревноваться. Шведы на тот период задавали моду в мировой гимнастике, женская команда была чемпионом мира. Соревнования завершились победой мужской и женской команд Советского Союза, в кото-

Галина Шарабидзе-Минаичева

рых были будущие олимпийские чемпионы.

Газета «Дагенс нюхетер», подытоживая самые восторженные отзывы, писала: «Сияние золотых медалей, полученных шведскими гимнастками за первенство мира, поблекло от блестящего мастерства русской женской команды».

В международных товарищеских турнирах в Скандинавии, на слете молодежи в Берлине, матчевых встречах с венграми в Москве и Будапеште, поездке в Чехословакию оттачивалось мастерство советских гимнастов перед Олимпиадой в Хельсинки 1952 года, дебютной для посланцев Страны Советов. Не будем забывать, что только годом раньше отечественную федерацию приняла в международное сообщество гимнастики.

Апрельское первенство страны 1952 года стало по существу отборочным соревнованием перед олимпийскими стартами, к которым готовились два десятка кандидатов в женскую и мужскую команды. На учебно-тренировочных сборах в Сочи и Выборге. Таких насыщенных и сложных тренировок наши девушки не знали. Не знали своих соперниц, не знали, как судьи оценят выступление дебютанток Игр.

Как не вспомнить, что поначалу с любопытством и недоверием участники и гости Олимпиады посматривали на наших спортсменов. Многие черпали свою настороженность из газет. А газеты писали, что советские чемпионы предпочитают тренироваться при закрытых дверях, не раскрывая домашние заготовки.

Уже первые дни убедили жителей олимпийского лагеря Отаниеми, что двери зала распахнуты настежь, и никакого «железного занавеса», как писал побывавший в гостях корреспондент «Ньюс Кроникл».

Перед решающими соревнованиями тренировки проводили в открытом зале.

Капитан команды и общая любимица Мзия Джугели помогала японской гимнастке разучить обязательную программу. Подруги по сборной работали с другой спортсменкой из Страны Восходящего Солнца, также не знавшей несколько упражнений (в Японии в те годы спортивная гимнастика только делала первые шаги).

Спортсмены дружили в тренировочном зале и за его пределами, оставались веселыми и доброжелательными, угощали американцев, французов, посланцев других стран деликатесными продуктами, которые ежедневно доставлялись самолетом из Ленинграда.

И лед недоверия растаял. Газеты на второй день после прибытия делегации писали, что советские спортсмены покорили всех. Олимпийский чемпион в прыжках с шестом Роберт Ричардс заявил американскому корреспонденту: «Честно говоря, я не могу понять, почему народы мира не могут ладить так, как спортсмены ладят здесь».

22 июля начались соревнования гимнасток, и уже вечером следующего дня руководитель советской делегации, председатель Спорткомитета страны Николай Романов назвал «золотыми девочками» тех, кто стали олимпийскими чемпионками в команде, – Галину Урбанович, Галину Минаичеву, Екатерину Калининчук, Полину Данилову (все – РСФСР), Марину Гороховскую и Нину Бочарову (Украина), Мзию Джугели из Грузии, Галину Шамрай (Рудько) из Узбекистана.

Всем им было присвоено звание заслуженного мастера спорта.

Были и другие поздравления, и традиционный торт победительницам в олимпийском лагере Отаниеми, где они приобрели так много друзей.

Титул абсолютной чемпионки Игр достался Марии Гороховской. Она же завоевала все четыре серебряные медали после выполнения произвольной программы. Семь олимпийских медалей! Согласитесь, что это очень много для 31-летней спортсменки, которая выжила в тяжелую ленинградскую зиму 1941 года. По утрам Мария, отрезав крошечный кусочек скудного блокадного хлебного пайка, спешила на курсы медсестер, потом на практику в госпиталь, по ночам дежурила на крыше, сбрасывая фашистские зажигательные бомбы, борясь с огнем. Ослабевшую и исхудалую девушку эвакуировали в Акмолинскую область, и она, как и ее сверстницы, трудилась полеводом от зари до зари на полях опытной сельскохозяйственной станции.

В первый послевоенный год Гороховская уехала в Ленинград – продолжать учебу, возвращать телу силу, ловкость и изящество движений, восстанавливать довоенный уровень спортивного мастерства. И так преуспела в этом деле, что уже в 1947 году ее включили в состав сборной СССР и в числе лучших гимнасток страны отправили для показательных выступлений в Финляндию. Еще через два года Мария Гороховская победила Галину Урбанович и завоевала звание абсолютной чемпионки страны.

Второе место в личном зачете заняла Нина Бочарова, которая стала олимпийской чемпионкой в упражнениях на бревне, а Екатерина Калининчук была лучшей в опорных прыжках.

Серебряные медали в групповых вольных упражнениях достались советской женской сборной, которая выступала в этом виде впервые и не смогла превзойти чемпионку мира шведок в согласованности, легкости.

В общей сложности гимнастки положили в копилку команды 12 золотых, 6 серебряных и 1 бронзовую медали.

Комментируя эти результаты, корреспондент французской газеты «Фигаро» писал: «Советские гимнастки еще более наглядно, чем мужчины, показали превосходство, выполняя упражнения, которые по трудности кажутся невозможными для женщин».

До Олимпиады лидерами команды считались Мария Гороховская, Галина Урбанович, Галина Шамрай.

Хрупкая Галина Минаичева ничем не выделялась среди подруг. Застенчивая, тихая, она, как потом призналась, мечтала об одном – не подвести команду, но в олимпийском зале Мессухалли 23-летняя Минаичева словно обрела крылья. К удивлению многих, заняла четвертое место в многоборье и выиграла серебряную и бронзовую (в опорных прыжках) медали, став тем самым обладательницей олимпийских наград всех трех достоинств. В сумме многоборья впереди Минаичевой Гороховская, Бочарова и олимпийская чемпионка в упражнениях на брусках Маргит Коронди – от венгерской гимнастки ее отделяют 0,15 балла. А кто позади? Сама Галина Урбанович, семикратная абсолютная чемпионка СССР!

Убедительную победу праздновала и мужская сборная. Ее выступление в первый день привлекло такую огромную толпу, которая вряд ли когда-либо посещала зал Мессухалли. Абсолютным чемпионом Игр стал

Супруги Шарабидзе с первенцем Владимиром. 1955

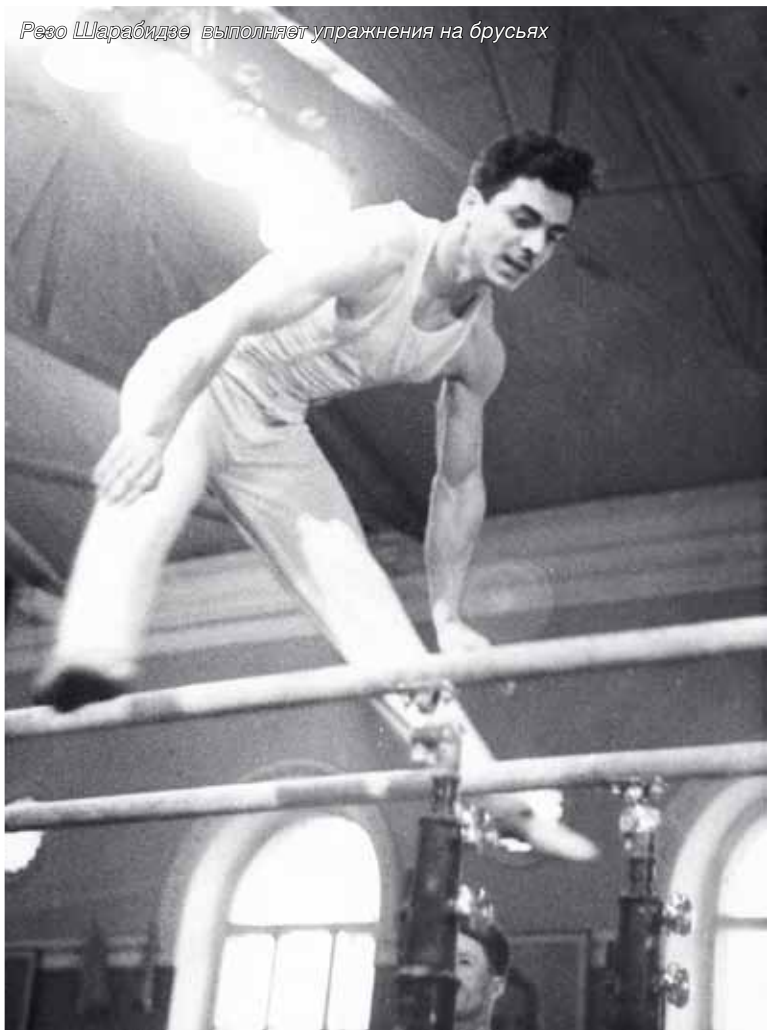
Грант Шагинян, Галина Шамрай, Галина Минаичева. 1952

Виктор Чукарин, который к тому же первенствовал в упражнениях на коне и в опорных прыжках. На втором месте в личном многоборье Грант Шагинян, чемпион Олимпийских игр на кольцах. Только третье место занял победитель Лондонской олимпиады и чемпион мира швейцарец Йозеф Штальдер.

Олимпийские игры закрылись 3 августа, а 29 августа Галина Минаичева и Резо Шарабидзе расписались в московском ЗАГСе, который был по соседству с Трубно-й улицей.

Избранник олимпийской чемпионки – многократный победитель первенства Грузии, абсолютный чемпион

Резо Шарабидзе выполняет упражнения на брусках

Золотая команда гимнасток Хельсинкской олимпиады. 1952

Спартакиады республик Закавказья 1953 года, где ему удалось опередить будущего олимпийского чемпиона Мельбуерна и чемпиона мира Альберта Азаряна. Резо Шарабидзе – участник сборной страны и мастер спорта международного класса.

Будущие супруги впервые встретились в 1949 году в Харькове, на учебно-тренировочных сборах гимнастов-динамовцев. Познакомила их Мзия Джугели, которую оба называют своей свахой. Свадьбу сыграли в Москве, а через два дня поезд увозил молодоженов в Тбилиси.

В январе 1953 года на чемпионате СССР на отдельных снарядах Галина Шарабидзе победила в упражнениях на бревне, была заявлена в команде Грузии, и выступала за нее в течение десяти лет. Все эти годы была чемпионкой республики, ставшей ее второй родиной.

Большой победой советской гимнастической школы завершилось и первенство мира 1954 года в Риме.

Шарабидзе завоевала две награды – золотую за командное первенство и серебряную за командные упражнения с предметами.

Потом были и другие соревнования, в том числе международная встреча женских сборных Грузии и США в Тбилиси.

Галина, как и Резо, закончила Грузинский институт физкультуры, а еще Институт иностранных языков, какое-то время работала переводчицей в Институте метрологии, а потом перешла в Республиканскую школу высшего спортивного мастерства, работала старшим методистом вместе с подругой по золотой сборной 1952 года Мзией Николаевной Джугели. Подготовила немало пособий, рекомендательных писем по совершенствованию тренировочного процесса.

В 2002 году в Тбилиси чествовали участников Хельсинкской олимпиады. В театре оперы и балета имени Захария Палиашвили героям Игр – чемпионам и призерам – вручили олимпийские ордена Национального

олимпийского комитета Грузии.

50-летие грузинского олимпизма, равно как и советского, совпало с золотой свадьбой Галины и Резо Шарабидзе.

У супругов двое детей – сын Владимир и дочь Натиа. Сын художник, а его сестра закончила филфак Тбилисского государственного университета, живет и работает переводчицей в Амстердаме. Сын Владимира – Резо Шарабидзе-младший живет в Греции, кулинар по профессии, и, судя по фотографии, награжден чемпионской статьёй, чем обязан увлечению культуризмом.

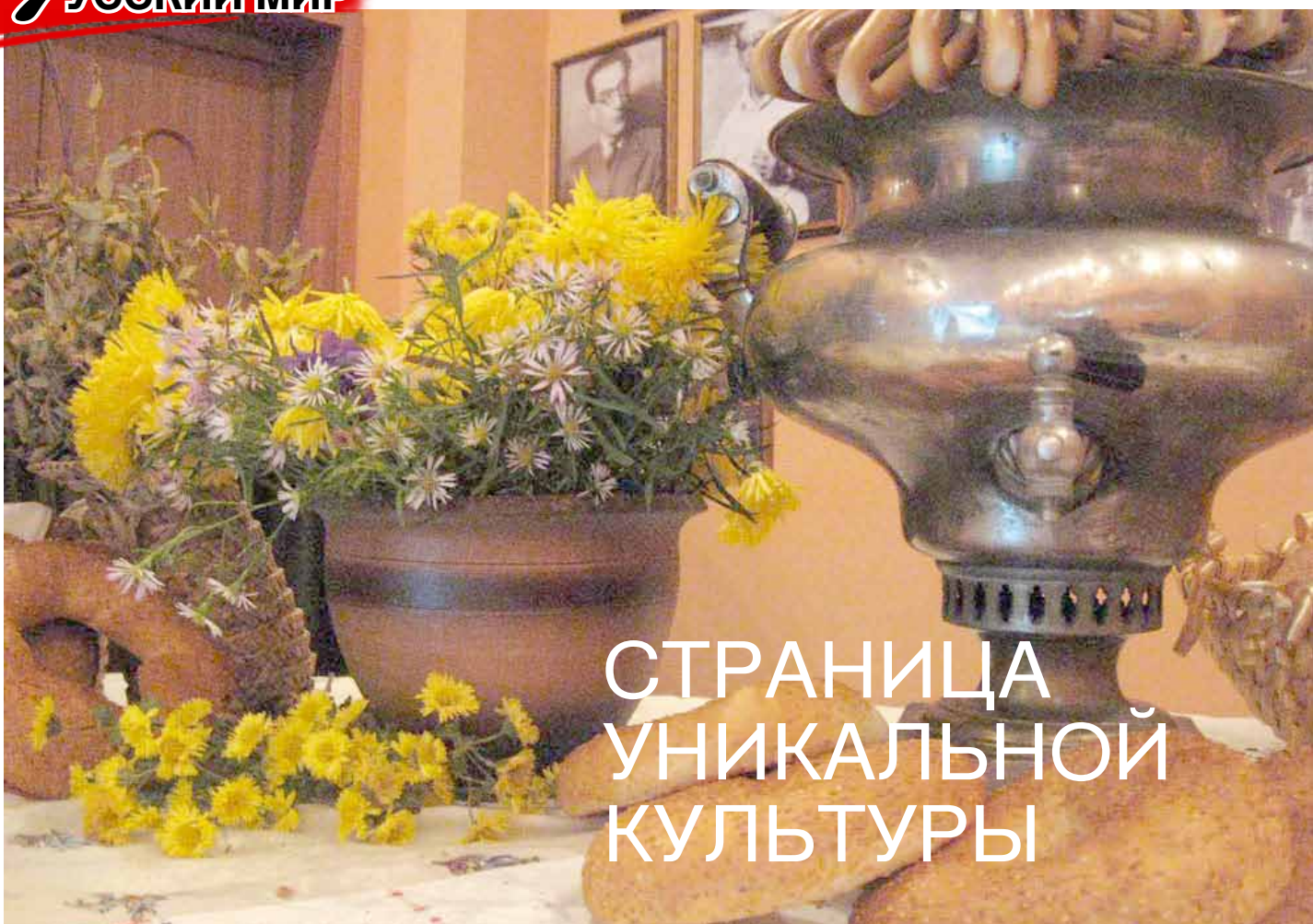
Два года назад НОК Грузии, как и все родные и знакомые этой обаятельной супружеской четы, торжественно отметили круглую юбилейную дату олимпийской чемпионки и чемпионки мира Галины Яковлевны Шарабидзе. Кавалера орденов Вахтанга Горгасала II степени и Чести.

Находясь в окружении друзей-олимпийских чемпионов, она снова видела себя в финской столице, любимицей зала Мессухалли, миниатюрной гимнасткой, чье мастерство и обаяние покоряли зрителей на трибунах олимпийской арены и даже самых хладнокровных судей.

С Мзией Джугели

Арсен ЕРЕМЯН

СТРАНИЦА УНИКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В Малом зале Тбилисского русского театра имени А.С.Грибоедова состоялась презентация альбома «Духобория. Русская глубинка в горах Грузии». Его автор, Алла Беженцева, председатель Союза русских женщин Грузии «Ярославна», не первый год изучает историю, быт, нравы, сущность учения духоборцев, делая основной акцент на проблемах, с которыми последователи духоборчества столкнулись в последние годы. А они настолько серьезны, что численность одной из старейших в Грузии общины сократилась до критической отметки.

В фойе была развернута выставка, на которой экспонировалось около 20 архивных фотографий, посвященных духоборцам в Грузии, и этническим уголкам со старинными предметами утвари духоборческой общины.

«Альбом «Духобория» - об историческом развитии русского религиозного сектантства, христианско-протестантском учении духоборчества, об их истории, настоящем был напечатан при финансовой поддержке ЕСМІ (Европейского центра по делам меньшинств). Этот альбом останется ярким свидетельством жизни духоборцев в Грузии, основных догм их учения, их нелегкой судьбы; будет способствовать сохранению исчезающей страницы русской истории, культуры и традиции. Представленные в альбоме материалы уникальны, они являются исторической ценностью для будущих поколений», - говорится в редакторской преамбуле к изданию, являющемуся, по сути, квинтэссенцией книги Аллы Беженцевой «Страна Духобория», изданной в 2007 году Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб».

Особенность этого издания в том, что «Духобория» приходит к читателю на двух языках – грузинском и русском. По мнению работавших над грузинской версией председателя Союза писателей Грузии Маквалы Гонашвили и руководителя его международного отдела Владимира Саришвили, перевод этого историко-документального очерка вызвал немало трудностей, но еще больше – интереса к неведомому широкой обществу оазису культуры и быта последователей религиозного течения, нашедших убежище от преследований властей царской России здесь, на грузинской земле.

Гореловка – одно из сел духоборцев, вынужденных бежать на Кавказ еще в 40-е годы XIX века. Село находится на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря.

Трагична история духоборческой общины, возникшей в России во второй половине XVIII века в знак протеста против обрядности и догм официальной церкви.

Духоборцы не желали называться сектой, они считали себя частью христианского направления, но руководствовались при этом живым словом своих пророков, рассказами, которые они составляли как по своим историческим преданиям, так и по заповедям Христа. Поучения или псалмы они изучали наизусть, поскольку не владели грамотой, как и почти все выходцы из крестьянской среды. «В конце XVIII столетия, - пишет историк П.Бирюков, - вдруг являются люди, не только отвергающие все обряды и установление греко-российской церкви, но даже не приемлющие и таинства крещения водою и причащения тела и крови Христовой под видом хлеба и вина. Они отовсюду терпели гоне-

ния...»

В 1750 году в Тамбовской губернии России появился некто Савелий Капустин, который стал объединять вокруг себя людей, проповедуя духоборчество, отрицавшее рукотворные атрибуты веры. Религиозными символами духоборцы признают хлеб, соль и кувшин с водой, которые ставят на стол во время чтения псалмов.

Нравственный устав духоборцев гласит: «Будь благоразумен, не все, что видишь, желай, не все, что можешь, делай, но только то, что должно. Будь воздержан, без алкания пищи не употребляй, без жажды не пей, более пьянства яко ада бегай. Будь кроток, не продерзлив, больше молчалив, нежели говорлив. Ничего чужого не желай, кольми паче не крадь, а в чем имеешь нужды ссыкивай трудом. Что взаймы взял, отдай, что обещал – исполни, будь к трудам охотлив, оставляй праздность ленивым. Также будь к вышнему

«Сиротский дом». с.Гореловка

Святая пещера. с.Орловка

Старейшины общины после моления. с.Гореловка

послушен, с равными обходителен; никому не завидуй, доброжелательствуй всем – сие храни, то и будешь благополучен».

Духоборцы отвергают канонический текст Священного Писания, но приняв евангельскую заповедь «не убий», они выступали против любой службы в царской армии, чем вызывали недовольство властей.

Алла Беженцева на презентации

Пережив острый кризис в связи с утратой доверия к Капустину, присвоившему полномочное право распоряжаться общими средствами и имуществом, за которым последовала новая волна преследований в период царствования Николая I в Закавказье, духоборцы переселились в Ахалкалакский уезд Тифлисской губернии. Здесь продолжился процесс разложения общины, который завершился открытой борьбой низовой духоборческой массы против собственной олигархии. Непокорная часть духоборцев эмигрировала в Канаду.

Место для переселения оставшихся по эту сторону океана было выбрано ими неспроста. Кавказ издревле считался святой землей, неоднократно упоминавшейся в Библии. Однако в высокогорном Ахалкалакском уезде первую суровую зиму духоборцы провели в земляной балке, которая носит название жилища Терпения. Более 7 тысяч человек погибло в ту зиму от холода, голода, болезней, и, тем не менее, люди выстояли, построили вдоль реки Паравани восемь деревень с названиями, перенесенными из духоборческих сел Запорожья – Богдановка, Гореловка, Орловка, Тамбовка, Калино, Ефремовка, Родионовка, Спасовка.

Изначально пришедшие в Джавахети духоборцы предполагали, что не задержатся здесь надолго, так как условия здесь тяжелые – суровый климат, иноязычная среда. Но тут неожиданно скончался духовный лидер духоборцев Илларион Калмыков. Его похоронили здесь же, в высокогорном Джавахети, и покинуть это святое место было уже нельзя. И в наши дни могилы основателей духоборчества почитаются как святые места, за ними ухаживают и охраняют. Именно поэтому большая группа духоборцев осталась в высокогорном Джавахети, а другая часть переселилась на более плодородные земли в районе Дманиси (Квемо Картли).

495 семей (4097 духоборов) населяли Джавахети, и до тысячи человек обосновались в сегодняшнем Дманисском районе.

Уникальные сведения о жизни и событиях былых времен в духоборческой общине сегодня восстановить невозможно. Все ценные бумаги и золотой запас, кстати немалый, были изъяты в 20-30 годах XX века при советской власти.

В центре самого большого села Гореловка расположена молельня «Сиротский дом». Здесь кормят детей и всех нуждающихся. «Сиротский дом» состоит из нескольких строений. В середине территории стоит двухэтажный терем. В нем жила Лукерья Калмыкова, первая женщина, возглавлявшая общину духоборцев. Она достроила «Сиротский дом», который начал возводить в 1847 году ее супруг Петр Илларионович Калмыков – правнук Савелия Капустина.

В «Сиротском доме», в специально построенных покоех, собираются духоборцы для общения со всевышним. Во дворе стоит огромный камень – монумент с фамилиями праведников – духоборцев, похороненных на территории близ Гореловки, называемой «могилами святых», почитаемыми духоборцами всего мира.

1864-1886 годы – период правления «богородицы» Лукерьи Калмыковой – характеризовались окончательным формированием в «Духобории» крепкого хозяйственного мужика-фермера. Лошади из хозяйств были породистыми и рабочими, славились на все Закавказье и обусловили извозчицкий промысел, которым занимались духоборцы, перевоза товары фургонами в Персию, Турцию, Индию и по Закавказью. На духоборцев была возложена обязанность содержать за плату почту по всему Закавказью. Доход от извоза давал духоборцам главные средства, обеспечивающие повседневное существование сектантов.

В 1887 году на Кавказе была введена всеобщая воинская повинность, после которой стали призывать и духоборцев, доселе освобожденных от воинской служ-

бы. Но духоборцы по-прежнему исповедовали отказ от воинской повинности, и 29 июня 1895 года, в день святых Павла и Петра, в пещерке, расположенной недалеко от Гореловки, сожгли собранное со всей общины оружие в знак протеста против зла и насилия. В акции уничтожения оружия в Ахалкалакском уезде приняли участие духоборцы семи селений, всего около 2000 человек.

Это событие, случившееся 29 июня 1895 года, осталось в истории как незабываемый подвиг, символизировавший отказ духоборцев от войны, убийства и насилия, и даже службы в армии. Царское правительство приговорило всех мужчин общины к порке плетьюми, а старейшины были заключены в тифлисский острог.

Духоборцев, преследуемых царским самодержавием, защищало все прогрессивное общественное мнение. Видная грузинская общественная деятельница Е.Накашидзе первая обратила внимание Л.Н.Толстого на положение духоборцев.

Огромна роль великого писателя в поддержке духоборческой общины, ведь именно она на практике осуществила его идеи непритяжения злу насилем. «Вы первые показываете пример хождения по пути Христову...» - писал Лев Николаевич духоборцам.

Великий писатель стал покровителем духоборческой общины. Именно с его помощью и благодаря финансовой поддержке многих русских меценатов было организовано переселение духоборцев в Канаду. Первый пароход «Лэк Гурон» с партией духоборцев прибыл в Канаду во второй половине января 1899 года. Л.Н.Толстой много сил и средств (в частности, весь гонорар от издания романа «Воскресенье») вложил в обеспечение переезда. Духоборцы в чужой стране, не зная языка и обычаев, были бы беспомощными, поэтому писатель послал с ними 20 сопровождающих – врачей, переводчиков, юристов, среди них и своего сына, С.Л.Толстого.

В настоящее время в Канаде самая большая духоборческая община в мире – до 40 тысяч членов.

Духоборцы Грузии свято берегут обычаи, традиции, национальную одежду предков. В «Сиротском доме» каждое воскресенье проходят заутрени – моления с чтением псалмов. В их среде многое изменилось. Нет при «Сиротском доме» общей казны, амбаров, не живут здесь старейшины общины, как это было в прежние времена. Молодежь редко заглядывает в «Сиротский дом», практически не знает молитв.

По словам руководителя духоборческой общины Грузии Татьяны Тихоновой, из более 6-7 тысяч духоборцев, проживавших в Грузии в конце восьмидесятых годов XX столетия, осталось не более 800 человек, в основном 50-70-летние.

Многие духоборцы после распада Советского Союза переселились в Тульскую и Брянскую области России. Страх и неуверенность в завтрашнем дне, безработица вынудили часть их на переселение. Однако нарушение духовного единства привело к тому, что многие духоборцы растворились в общей массе, населения.

Сегодня только в Гореловке духоборцы все еще составляют большинство населения, но и здесь в русской школе, которая построена в 1903 году на пожертвования Л.Н. Толстого, учатся всего 78 детей. До сих пор здание этой школы стараниями духоборцев пребывает в отличном состоянии. В октябре 2003 года, по ходатайству МКПС «Русский клуб» и Союза русских женщин Грузии «Ярославна», а также при поддержке Министерства образования Грузии, школе было присвоено имя Л.Н.Толстого, а трем педагогам и директору были вручены правительственные награды.

С 1979 по 1989 год количество духоборцев в Ниноцминдском районе уменьшилось с 5614 до 3830, а

в Дманисском – с 2000 до 691. Большинство русских духоборцев переселились в Россию во времена перестройки. К концу XX века приблизительно 1400 духоборцев остались в Грузии, из них 100 проживали в Дманиси.

Сегодня в Ниноцминдском районе Джавахети духоборцы живут лишь в двух деревеньках, Гореловка и Орловка – осталось всего 20-30 семей. Дома уезжающих духоборцев в Орловке скупают в основном жители соседних сел.

30 июня 2001 года в Гореловке отмечали 160-летие переселения духоборцев в Грузию. На праздник съехалось много гостей из России, Канады, со всех уголков Грузии. В этот день поселению указом Президента Грузии был присвоен статус музея – заповедника русской духоборческой культуры, зодчества и быта, центра святынь духоборцев.

Начало 90-х годов ознаменовалось массовыми переселениями духоборцев на историческую родину, в Россию. Вместе с тем лидеры духоборцев понимали, что рассеивание переселенцев по стране среди русского населения приведет к их быстрой ассимиляции, утрате наследия предков и еще большему ослаблению духоборческого течения в целом, так как наиболее крепкие общины сложились в Закавказье.

За почти 300-летнюю историю духоборцев последователей этого учения четырежды изгоняли из разных стран. Последний раз им пришлось перебраться из Грузии в Россию. В поисках работы многим пришлось податься из новых поселений в крупные города, что влечет за собой неизбежную ассимиляцию, которая для последователей учения смерти подобна. Стало известно, что некоторые из них подумывают о возвращении в Грузию, где еще сохранились родные очаги предков.

Вслед за презентацией альбома состоялся показ документального фильма о духоборах режиссера Александра Квирия. Ранее все съемочные группы, в том числе и в духоборческих поселениях США и Канады, интересовались духоборцами только как своеобразным этносом. Фильм Квирия запечатлевает жизнь общины, ее быт, нравы и традиции под иным ракурсом – перед зрителем проходит внутренний мир «отшельников», драматические коллизии, связанные с оттоком молодежи из насиженных и намоленных селений. Особый интерес представляют впервые звучащие для непосвященного зрителя тексты псалмов, читаемых духоборцами. Они открыли Александру Квирия, долго прожившему среди духоборцев, таинство своих молений. К Александру Квирия они прониклись таким доверием, что решили сорвать покров с тайны столетий. По словам автора этой документальной ленты, он задумал картину о духоборцах, живя в эмиграции, в Лондоне, и постарался показать «настоящий русский дух на грузинской земле». Фильм «Гореловка – эпизоды исчезающей жизни» по стилю напоминает кинематографический «поток сознания». Лента была включена в список конкурсного показа проходившего в Тбилиси в первой половине декабря XI Международного кинофестиваля документальных фильмов «Прометей» и получила высокую оценку специалистов. А до того этот фильм дважды демонстрировался в Европе, где ему также сопутствовал успех.

Правы были древние мудрецы, когда говорили о легкости разрушения и трудности созидания... Чувствительной потерей для традиционно толерантной Грузии была бы утрата старинной духоборческой общины, ставшей особенно уязвимой в век глобализационных процессов.

И об этом говорили гости презентации, завершившейся традиционным русским чаепитием.

Ирина СОРОКИНА

«ЖИВИ, КАК ДЫШИШЬ...»

*Суетности бремя отринь.
Доверься голосу души.
Зерно от плевел отделяет время.
А ты пиши покуда, ты пиши!*

Эмзар Квитаишвили

Эмзар Квитаишвили. 1964

Конец 50-х годов минувшего века в духовной (и не только!) жизни Грузии был отмечен важным событием: выходом в свет новых литературных журналов – «Цискари» и «Литературная Грузия».

Сразу оживилась литературная жизнь. На страницах «Цискари» стали появляться новые имена, новые интересные произведения. Здесь состоялось много дебютов. Журнал сразу же привлек внимание широкого читателя. В «Цискари» увидели свет «Я, бабушка, Илико и Илларион» и «Я вижу солнце» Нодара Думбадзе, рассказы и повести Отиа Иоселиани, Гурама Рчеулишвили, Арчила Сулакаури, Тамаза Чиладзе... Трудно перечислить все произведения, опубликованные здесь в первые же годы существования журнала и вошедшие затем в фонд новой грузинской литературы. Первым главным редактором журнала был писатель и переводчик с английского Вахтанг Челидзе, человек высокой культуры, наделенный прекрасным литературным вкусом, задавший тон молодежному журналу. В коллективе редакции работали молодые писатели, очень скоро приобретшие широкую известность: Гиви Гегечкори, Мухран Мачавариани, Реваз Тварадзе, Джансуг Чарквиани, Тамаз Чиладзе, Тариэл Чантурия, Резо Чейшвили, Медея Кахидзе, Заур Болквадзе... «Цискари» сразу же стал выразителем духа этой новой творческой мо-

лодежи и поистине средоточием литературной жизни, своего рода клубом, где собирались молодые поэты, прозаики, переводчики, критики, художники, скульпторы, кинодеятели.

Это было интересное, увлекательное время. То, что сходило со страниц «Цискари» являлось, в основном, творчеством грузинских шестидесятников XX века. Это была качественно новая литература, но отнюдь не отвергнувшая лучшие традиции многовековой классики. Главным героем ее выступил человек со своим внутренним миром, что шло вразрез с большевистско-коммунистической теорией, человек-винтик грандиозной машины и «незаменимых нет». Мы начали познавать, что каждый человек уникален. Конечно, цензура не дремала и пыталась вмешиваться в литературный процесс, демонстрируемый журналом, но Хрущев со своей «оттепелью» все-таки выпустил джинна из бутылки. Время, когда для нас открылись горизонты передовой зарубежной литературы, открылись Ремарк и Стейнбек, Хемингуэй с его «По ком звонит колокол», за чтение которого, между прочим, могли пригласить в КГБ и сделать соответствующие выводы, но – тем не менее!.. Время, когда из далекой ссылки вернулся Отто (Отиа) Пачкория (он тоже пришел работать в «Цискари»), Шура Цыбулевский, Гиви Магулария; время,

когда мы, полные юмора и озорства, тихонько напевали крамольную песню «Мы за мир, но наши автоматы не дают забыть, что мы солдаты. Шагом, шагом, шагом, братцы, шагом мы дойдем до самого Чикаго» и читали крамольные стихи Бориса Слуцкого о том, что «В Гослитиздате Бунин издан, цветам запрещено цвести, запрещено ругаться матом, все это может привести к весьма печальным результатам».

Неудивительно, что в «Литературную Грузию», а отсюда и в «Цискари», потянулись «неугодные» молодые поэты, такие как Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко и многие другие. Грузия, и ранее считавшаяся гостеприимным «оплотом свободомыслия», была верна себе. Завязывались творческие и дружеские контакты, появлялись прекрасные поэтические переводы... Это было продолжение и развитие традиции, установившейся почти с начала века. Все минувшее столетие было отмечено и согрето этими плодотворными творческо-дружескими связями. Грузинская литература вышла далеко за пределы своей родины.

В 1963 году, когда Вахтанг Челидзе покинул редакторское кресло, его сменил известный грузинский писатель Константин Лордкипанидзе, который до этого редактировал «Литературную Грузию». К. Лордкипанидзе был человек решительный, требовательный, умел и мог рисковать, умел распознавать и ценить людей. Вот в такую редакцию тогда пришел молодой поэт Эмзар Квитаишвили, окончивший в 1959 году филологический факультет Тбилисского государственного университета, уже приобретший журналистский опыт работы в республиканской прессе.

Отец Эмзара, Давид Квитаишвили, был известный грузинский врач, терапевт и блестящий педиатр, спасший не одну человеческую жизнь. Мать, Нина Имнадзе, тоже была врачом. В 1942-м голодном и холодном году отец был арестован по ложному обвинению и приговорен к десяти годам заключения, из коих он первые годы отсидел в Тбилиси, а потом был отправлен в Воркуту. Там он встретил, тоже ссыльного, видного грузинского прозаика, автора исторических романов Левана Готуа. Страницы его произведений шахтеры тайно вывозили на вагонетках из шахты, в которой работал Леван Готуа. Врач Давид Квитаишвили продолжал свою

деятельность и в ссылке. Жена навещала его. Это допускалось. Лишь в 1956 году, отбыв еще и свободное поселение, он вернулся домой. Сыну шел двадцать первый год, он был студентом и писал стихи.

Я помню Эмзара, когда он появился в «Цискари». Молодой человек с темными волосами и удивительно ясными, чистыми, с доброй лукавинкой, голубыми глазами под красивым разлетом темных бровей. Глаза Эмзара, по-моему, все те же. А ведь судьба была не благосклонна к нему: умерла первая жена, оставив сына и дочь, погиб сын – это был тяжелейший удар. Сколько нужно было мужества, чтобы это пережить. Пережить и не сломаться, не потерять себя. Видимо, это идет от отца к сыну: как я могу заключить по рассказам Эмзара, в роду его отца и его матери мужчины не сдавались. Нельзя без боли читать его строки, обращенные к сыну: «Хорошо ему, хорошо сыну моему... У его изголовья престарелая добрая липа стоит. На зеленые ветви уложит его, укачает...»

Минуло время и судьба решила повиниться и послать Эмзару новое счастье: он встретил прекрасную женщину, которая стала его другом и женой и подарила ему сына. Словно вопреки всем скорбям и трудностям жизни, Эмзар не выпускал и не выпускает из рук пера.

Его творческую энергию сначала же заметил зоркий глаз Константина Лордкипанидзе. Передав журнал новому главному редактору, поэту Хуте Бериулава, он не захотел расставаться с Эмзаром и уговорил его перейти к нему в издательство «Накадули», куда его назначили директором. «Я знаю тебе цену, потому хочу, чтобы ты перешел со мной в «Накадули», – сказал тогда Лордкипанидзе. Для Эмзара был создан новый отдел – сказки всего мира. Эмзар, который так любит детей, с интересом работал там, но все же душа тянула обратно в «Цискари». Однако то, в общем недолгое время, которое он провел рядом с Константином Лордкипанидзе, как говорит сам Эмзар, было для него очень значительным. Строгий и взыскательный руководитель, признанный мастер прозы, тонко чувствовал слово, он много дал молодому поэту. Это он приобщил Эмзара к художественному переводу, предложив ему перевести на грузинский язык дневники Андрея Бело-

го, связанные с Грузией. «Андрей Белый – подлинный гений», – сказал К.Лордкипанидзе. Эмзар с увлечением и упорством трудился над сложным текстом, и результат оказался прекрасным. Замечательный лирик Эмзар Квитаишвили много и плодотворно работает в области художественного перевода. Ему принадлежат переводы стихов А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блока, Вл. Маяковского, С. Есенина, в соавторстве с Зурабом Кикнадзе были переведены произведения Джона Мильтона «Самсон» и «Комус», он перевел также комедии «Бесплодные усилия любви» Шекспира и «Птицы» Аристофана.

В 1963 году, столь знаменательном для Эмзара, он стал сотрудником «Цискари», вышел его первый поэтический сборник «Песня, спетая в пути». С тех пор он издал много книг, и в Тбилиси, и в Москве.

Эмзар Квитаишвили – поэт, верный классической традиционной грузинской поэзии, удивитель-

С группой грузинских писателей на юбилее Мурмана Лебанидзе. 1971

ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ

ГОРОД
ПТИЦ

Эмзар Квитаишвили

Спасенная свирель

В гостях
у Арсена
Еремяна.
2009

но глубоко знает и понимает теорию стиха и верен ей. К сожалению, по переводу, каким бы блестящим он ни был, трудно судить об этом, как и о той гармонии, которая существует между формой и содержанием стихотворения. И при этом Э.Квитаишвили современный поэт, он полон новой творческой энергии. Его поэзию отличает благородная простота, в ней не найти вычурности или витиеватости, здесь каждое слово выверено, оно самое точное и самое выразительное.

Немалый вклад внес Эмзар Квитаишвили и в поэтику, и в теорию стихосложения. Он автор большой монографии «Поэтическое искусство Акакия Церетели», отдельные главы которой опубликованы в научных и литературных журналах.

Здесь уместно заметить, что простота, легкость и безыскусственность поэзии Эмзара Квитаишвили напоминает одного из великих наших поэтов – Акакия Церетели. Однако Эмзар далек от подражания или хотя бы чьего-либо влияния: в его поэзии всюду чувствуется рука самобытного мастера.

С 1974-го по 2010 годы Эмзар работал в Институте грузинской литературы имени Шота Руставели АН Грузии. Он – доктор филологических наук.

В 2005 году вышла в свет еще одна, очень интересная работа Эмзара Квитаишвили – «Сокольниковый грузинского слова». Это воспоминания и статьи о жизни и творчестве выдающегося поэта, прозаика, ученого Георгия Леонидзе.

Сейчас поэт заканчивает работу над сборником эссе о Галактионе Табидзе. Часть их уже опубликована. Творчеству Отара Чиладзе, замечательного поэта и прозаика, посвящена работа «Из повседневности в вечность». Интересны его литературные дневники, составившие книгу под названием «Гроздь ркацители». Недавно он сдал в издательство книгу детских стихов и поэм, которая вскоре выйдет в свет. Неправда ли, какая динамичная, активная творческая жизнь? Кроме всего этого, он составлял совместно с видным поэтом Гиви Гегечкори различные поэтические антологии и сборники избранных стихотворений.

Писатель, поэт, эссеист, литературовед, научный деятель, отягченный столь обильными плодами своей души, ума, интеллекта, он наделен еще очень важными талантами: скромностью, добротой, верностью. «Всем, кто только жаждет, – известность. Не мне», – это строка из его стихотворения. И еще: «Если сказанное тобой кострами будет пылать – стыдно тебе заноситься». Он никогда не старался быть на виду, занимать посты. Однажды Дэви Стурау, секретарь ЦК, предложил ему занять пост директора крупного издательства. Эмзар корректно, но твердо отказался: «Я знаю, что это не мое дело. Я не администратор».

Есть еще одна сфера деятельности, в которой преуспевает Эмзар: его увлекает изобразительное искусство. Он автор статей об известных деятелях грузинской живописи и скульптуры: Элгудже Бердзенишвили, Зурабе Нижарадзе, Элгудже Амашукели, Дмитрие Эристави, Тенгизе Мирзашвили, Джемале Хуцишвили и других. И все же – «поэзия – мое прибежище, мое пристанище. Там я спасаюсь», – так он сказал мне однажды. Поэзии он отдал свое сердце однажды – и навсегда.

В ноябре 2010 года Эмзару Квитаишвили исполнилось семьдесят пять лет. Что мы можем пожелать ему? Конечно же, крепкого здоровья, долгой плодотворной жизни, бодрости, новых успехов в его многогранном творчестве и чтобы не иссякал его тонкий, ненавязчивый юмор. Он пишет с сожалением: «Минуло то время, когда себя мнил Синдбадом. Увы! Не увидел и во сне Барселоны и Мадрида!»

Камилла-Мариам КОРИНТЭЛИ

ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ

стихотворения

ПТИЦЫ

Нам только кажется,
что птицы умирают.
Мы видим только оболочку птичью,
и догадаться мы не можем вовсе,
как впитывает их в себя лазурь,
и мы глядим на их упавший пух
с прилипшими кусочками лазури,
чему-то удивляясь навсегда.
Но пусть никто не верит смерти птиц.
Наверно, нас обманывает небо.
Оно, как будто свернутый в спираль,
расплавленный хрусталь, такой лукавый.
Попробуй-ка пробраться сквозь него.
Не проникает навощенный взгляд
сквозь небо в пробуравленные дыры.
А птицы любят, выстроившись в ряд,
пробить в полете клювами пространство,
не собираясь возвращаться к нам
оттуда из блестящей пустоты.
Когда мы видим птиц, упавших вниз,
разбившихся о скользкий нос машины,
окоченевших или ослабевших, —
то, что мы видим, — только тени их.
А сами птицы умирать не могут.
Бывает, что их мертвые тела
смешают по оплошности с бетоном,
и крылышки их светят из асфальта,
как отпечаток древнего листка.
Но и тогда в расстройство не впадайте —
все это только видимость их смерти.
Речные камни тянут птиц к себе.
Они так любят перья окунать
в светящиеся струи,
и порой
в камнях застрянет с криком трясогузка.
Внимания на надо обращать.
Не может с птицей что-нибудь стрястись,
что ненарасно было бы должно
в нас вызвать человеческую жалость.
Могу еще припомнить кое-что.
Однажды в прачечной одной увидел я
два чучела, подернутые пылью,
ничком упавшие.
Но я не обманулся,
когда я твердо знал, что эти две,
казалось, неживые перепелки
в мгновение то же самое бредут
в траве высокой у горы соломенной,
и в них бессмысленно стреляет кто-то вновь,
не зная, что убить их невозможно.
А как-то, у витрины магазина,
валялся стриж, подкошенный, быть может,
таким внезапным солнечным ударом.
Один лишь я того стрижа заметил,
совсем не испугавшись, что он мертвый.
Другие бы заметили — конечно,
немедленно за мертвого сочили.

Клюв птицы ткнулся в жухлую траву,
весь капельками извести покрытый,
и веки известковые дрожали,
сползая на большие, человечьи,
темнеющие медленно глаза.
Вы видели, наверно, как скалу,
остроугольно врубленную в море,
обходят с оголившихся боков,
приберегая крылья, воробы?
Я зависть ощущаю только к птицам.
О, если б знать, какими видят нас
они, когда летят над нами в небе!
Ты не грусти.
Не верь, что смертно все.
Нам только кажется,
что птицы умирают.

Перевод Евг.Евтушенко

Я доброго увидел человека —
Зеленого кузнечика держал он.
Нес осторожно, чуть стены касаясь.
Кузнечик бедный. Человек искал
Зеленую лужайку... Но — напрасно...
Песок и доски, все в цементной пыли...
И этот незнакомец (показалось
Проходим — не в себе он), голубыми
Глазами озаряя все вокруг,
Прошел по спуску и скрылся с глаз.

А женщины, которые мне снятся,
Мне солнце затмевают.

С каким терпением расшиты
Ваши покрывала.
Как белизной сияют
Несмятые постели ваши.
За лесом каменным порой таитесь от меня
И укрываетесь за стенами песочного оттенка.
Повсюду тянется за вами взгляд,
Не в силах оторваться.
И ночи не пройдет,
Чтоб не прокрался к вам я,
Чтоб я у изголовья не присел.
Над зеркалами смотрят на меня
Девические ваши фотографии.
И украшения разбросаны, словно доспехи.
И ваше одиночество обнажено.
На докрасна навощенном полу оскальзываюсь.
Ухожу украдкой...
Вы, от которых днем я прячу взгляд,
Столкнувшись где-то в переходе или на панихиде...
На самом деле рядом с вами быть —
Дороже жизни.

Мне солнце затмевают
Женщины, которые мне снятся.
Они хотят обожествленья, — я-то знаю,
И времени, которого у нас не может быть.
Я замечал, что кое-кто из них
Слегка согнув коленку,
Стоит себе на остановке.

Перевод Д.Чкония

НАСЛЕДНИК ПО ПРЯМОЙ

КАФЕДРУ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТБИЛИССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ СОЗДАВАЛО ПОКОЛЕНИЕ БЛЕСТЯЩИХ РУСИСТОВ. В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ СТОЯЛИ С. ДАНИЕЛИА, В. ШАДУРИ, М. БАЙСОГОЛОВА, В. НАТАДЗЕ, Г. ГИГОЛОВ, ВСЛЕД ЗА НИМИ ШЛИ К. ГЕРАСИМОВ, И. БОГОМОЛОВ, Л. ХИХАДЗЕ, Т. БУАЧИДЗЕ, Д. ТУХАРЕЛИ, Н. ПОРАКИШВИЛИ... «ИНЫХ УЖ НЕТ, А ТЕ ДАЛЕЧЕ...» СЕГОДНЯ БОЛЬШИНСТВО ЭТИХ ИМЕН – ДОСТОЯНИЕ ЯРКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРОШЛОГО И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. КАФЕДРА ОСТАВИЛА ЗАМЕТНЫЙ СЛЕД В АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОБОГАТИЛА ФИЛОЛОГИЮ СЕРЬЕЗНЫМИ ДОСТИЖЕНИЯМИ И ОТКРЫТИЯМИ. «ЗОЛОТЫМ ВЕКОВ» НАЗЫВАЕМ МЫ УШЕДШЕЕ ВРЕМЯ. НАВЕРНОЕ, ТАК И НЕ УДАТСЯ ЗАБЫТЬ СТРАШНЫЕ 90-Е ГОДЫ, КОГДА РУХНУЛО ВСЕ. И ЛЕГЕНДАРНАЯ КАФЕДРА В ТОМ ЧИСЛЕ. РУХНУЛА, НЕ УСПЕВ ПРОТЯНУТЬ ЖИВЫХ СОЕДИНИТЕЛЬНЫХ НИТЕЙ К ПОКОЛЕНИЯМ НОВЫХ РУСИСТОВ. РУСИСТЫ-ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ ЕСТЬ, И ПРЕКРАСНЫЕ. А ШКОЛЫ НЕТ. ТЕМ ОТРАДНЕЕ СОЗНАВАТЬ, ЧТО КАФЕДРА НЕ РАСТАЯЛА БЕССЛЕДНО. И НЕ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ, А ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ НЕ ИСЧЕЗАЮТ, НО И ПОТОМУ, ЧТО СЛОВО НАШИХ УЧИТЕЛЕЙ ОТЗЫВАЕТСЯ В РЕАЛЬНЫХ ТРУДАХ УЧЕНИКОВ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ, ОДИНОЧЕК, РАССЕЯННЫХ ПО МИРУ – В ГРУЗИИ, РОССИИ, ГЕРМАНИИ, ФРАНЦИИ, США... «КУДА БЫ НАС НИ БРОСИЛА СУДЬБИНА, И СЧАСТИЕ КУДА Б НИ ПОВЕЛО, ВСЕ ТЕ ЖЕ МЫ: НАМ ЦЕЛЫЙ МИР ЧУЖБИНА, ОТЕЧЕСТВО НАМ ЦАРСКОЕ СЕЛО»... НАШЕ ОТЕЧЕСТВО, НАШЕ ЦАРСКОЕ СЕЛО - ФИЛФАК ТГУ. ФИЛФАК ПЕРИОДА РАСЦВЕТА. СРЕДИ УЧЕНИКОВ, КОТОРЫЕ ПО СЕЙ ДЕНЬ САМОБЫТНО И ПРЕЕМСТВЕННО, САМОСТОЯТЕЛЬНО И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ДОНОСЯТ ДО НАС ЖИВОЕ ДЫХАНИЕ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ - СЕРГЕЙ ХАНГУЛЯН. НАСЛЕДНИК ПО ПРЯМОЙ.

- Какую роль в вашей судьбе сыграла кафедра русской литературы ТГУ?

- Основополагающую. Я окончил отделение литературоведения филологического факультета ТГУ в 1976 году и два года, по воле случая, спустя вновь оказался в стенах родного университета уже в качестве преподавателя-почасовика я вновь оказался в университете, где встретился в профессорской с моими бывшими преподавателями. Через некоторое время заведующая кафедрой русского языка Наталия Хидашели предложила мне часы польского языка у себя на кафедре. Затем я стал вести практические занятия по культуре речи и синтаксису русского языка, а вскоре получил часы и на кафедре истории русской литературы. И мои студенческие годы, и время, когда я был соискателем, и мое появление на кафедре связаны с тем периодом, когда заведующим кафедрой был профессор Ван Шадури, фигура значительная в советском литературоведении и лермонтоведении, в частности. Он учился в Петербурге, у него были знаменитые учителя, его статьи есть в «Лермонтовской энциклопедии». Все, что касается Лермонтова и Кавказа, составляло сферу его интересов. Он был ученым классического типа. Научная работа в его понимании обязательно должна была быть открытием, а объектами изучения - архивные материалы, фактография.

- Такая школа вам не близка?

- Для любого литературоведа фактическое литературоведение очень важно, потому что без него ты не можешь строить никакой теории...

- А теория бесконечна?

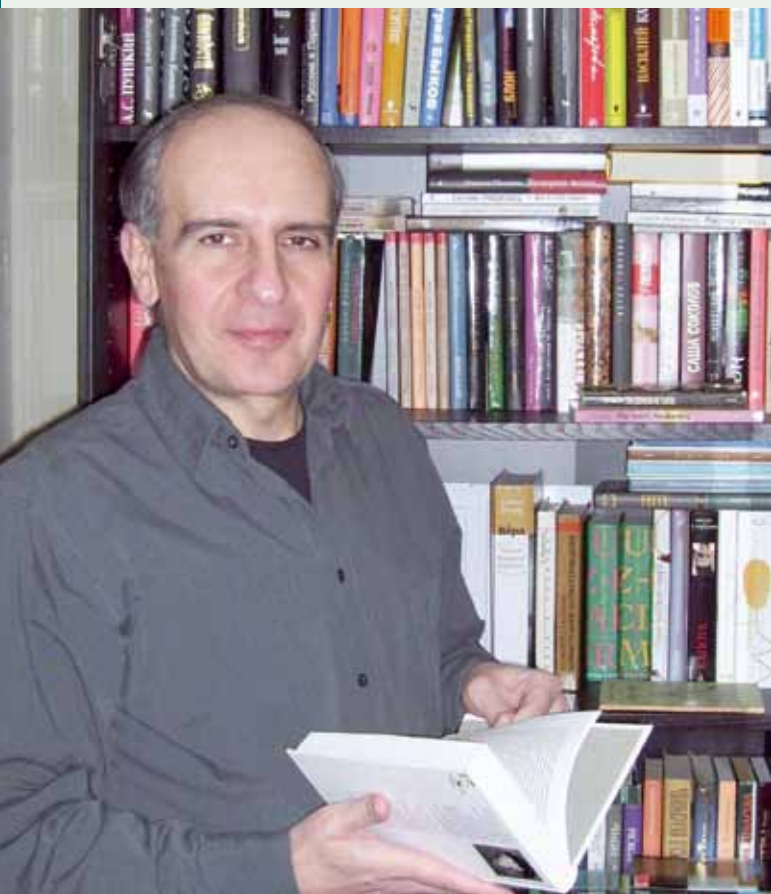
- Безусловно, бесконечна, как любая наука. Потому что познание бесконечно. Познание – одно из самых устойчивых инстинктивных стремлений человека. С этой точки зрения мы все - вечные студенты, поскольку, познавая, мы учимся. Я, во всяком случае, ощущаю себя таковым.

- Ван Шадури вы вспомнили первым. Вы можете назвать его в числе ваших учителей?

- Да, конечно, и в этом смысле мне, безусловно, повезло. Внутренняя дисциплина, умение концентрироваться на самом значительном, правила, а точнее сказать, законы написания академической статьи, все то, что непрофессионалу кажется излишним педантизмом – это на самом деле необходимость. Без четкости, ясности ссылки не может быть академической науки. Этому учил Шадури. Очень интересные лекции были у Вахтанга Натадзе. Особенно запомнился его спецкурс «Последние произведения Тургенева» - последние, мистические рассказы писателя... Советское литературоведение эту важную часть творческого наследия классика просто игнорировало. Можно сказать, что это был достаточно смелый для того времени курс. Натадзе удивлял не только своей эрудицией, но и какой-то удивительной добротой сердца, открытостью, своими личными проявлениями. Я помню, ко мне приехали друзья из Польши, и он живо заинтересовался этим и предложил мне, студенту, поехать вместе за город. У Натадзе была машина (по тем временам это было роскошью), и мы поехали, и он – Натадзе! – сам сидел за рулем и рассказывал нам о Светицховели. Для меня это стало потрясением.

- А чему научил Константин Герасимов?

- Многому. Само общение с ним было своего рода обучением. Он, конечно, был мне ближе остальных коллег, поскольку был моим руководителем, хотя определенная дистанция между нами была. Для меня он всегда Константин Сергеевич, в глаза, за глаза, и когда он был жив, и теперь, когда его нет с нами... С 1980 года мы часто ездили вместе на конференции, на Брюсовские и Волошинские чтения – в Ереван, Киев, Москву, Коктебель... Сказать, что я был очень рад общаться с Константином Сергеевичем, значит не сказать ничего. Уже тогда я полностью осознавал факт и значение такого везения.

Сергей Хангуля

Никогда мне не забыть наших долгих разговоров... Он отличался каким-то вневременным благородством души и манер, был блестящим ученым и остроумным оратором, но в минуты откровений признавался в том, что в первую очередь он – поэт, о чем мало кто подозревал до выхода в свет первой и, увы, последней книги его стихов «Из глубины».

- Вы его выбрали или он вас выбрал?

- Я был его студентом, писал у него курсовую работу по истории первопечатной книги в Польше. Удивить его было трудно, но, как выяснилось позже, мою работу он запомнил. Потом мы встретились с ним в Сололаки, на улице Лермонтова в доме Степана Ананьева – антропософа и музыканта, с которым меня в свою очередь познакомил мой бывший учитель, в те времена тбилисец, Аксель Вартанян, филолог, московский футбольный статистик и историк спорта. В доме Степана Ананьева часто проходили такие своеобразные интеллектуальные посиделки. Разговоры, которые там велись, касались тем откровенно крамольных... Будучи студентом последнего курса, в один из вечеров я увидел там Герасимова. Встреча эта была важной, но не определяющей. Особую роль в том, что мой интерес был направлен в академическое русло, сыграл мой друг, ныне профессор Краснодарского университета Владимир Чередниченко. Он также был герасимовским студентом, учился на курс старше, и именно он рекомендовал меня Герасимову как возможного соискателя. Герасимов предложил мне выбрать тему для научной работы, и поскольку античная культура и Серебряный век привлекали меня в ту пору больше всего, тема «Античность в поэтическом наследии Валерия Брюсова» появилась совершенно естественным образом. Мне повезло и в том, что одним из оппонентов моей кандидатской диссертации был Михаил Гаспаров, легендарный филолог, ученый с мировым име-

нем. Конечно, с Гаспаровым списался Герасимов. И вот, представьте себе, Михаил Леонович, будучи в то время член-корреспондентом Академии наук СССР, буквально на несколько часов прилетает из Москвы на защиту кандидатской диссертации в Тбилиси... С работой моей он ознакомился еще в Москве, а когда возвращал мне машинопись, кое-где испещренную бисерными карандашными пометками, то сказал, что прочел с интересом.

- Отзыв Гаспарова – это уже степень. Большая честь.

- Да, конечно. И я сказал ему, что после таких слов уже не имеет значения, какую оценку даст моей работе Ученый совет. Слова прозвучали куртуазно, но сказаны они были искренне.

- В те времена, когда вы учились в школе, модным было деление на «физиков» и «лириков». Вы, похоже, были «лириком»...

- Ну, «физиком» я не был точно. Точные науки меня мало увлекали. Я очень любил биологию, очень... Возможно, благодаря дореволюционным томам Брэма из домашней библиотеки и впервые появившимся тогда переводам на русский язык Даррелла. Любовь же к русской литературе в школе привила Татьяна Шароева. Она не столько вела уроки, сколько читала лекции, и это нас приятно поражало и заставляло относиться к предмету с особым вниманием.

- А интерес к польской культуре откуда?

- Польский язык я начал изучать по самоучителю еще в восьмом классе. В конце 60-х в киосках «Союзпечати» продавалось множество польских журналов, а в них содержалась любопытнейшая «не наша» информация. И все это очень хотелось знать, а чтобы знать, нужно было понимать... Сейчас я понимаю, что польский язык был источником информации, способом узнать больше, чем давалось. Старшее поколение наверняка помнит тбилисский книжный магазин «Дружба» на Земмеле, где можно было купить печатную продукцию соцстран. И впервые полный, без каких-либо купюр роман «Мастер и Маргарита» я прочел в польском переводе в самом начале 70-х годов. Или вот другой пример. В СССР издавались книги Джона Стейнбека, который считался активным борцом за права американского пролетариата. Было издано даже собрание его сочинений, куда вошли все значительные романы, кроме одного – «На восток от Эдема», поскольку в нем содержалась резкая критика тоталитарного режима. А на польском он был издан, и я купил его все в том же магазине «Дружба» и спокойно прочитал.

- Как складывалась ваша академическая карьера?

- Я работал почасовиком в университете, а параллельно преподавал в вечерней школе, был редактором в университетском издательстве. Позже защитил кандидатскую диссертацию, получил должность доцента и стал полноценным членом кафедры и коллегой моих бывших учителей. Шутка ли сказать, присутствовать на заседаниях кафедры на правах коллеги Георгия Гиголова, Лины Хихадзе, Дмитрия Тухарели, Константина Герасимова, Нодара Поракишвили... Мне довелось читать курс по истории русской литературной критики, истории русской литературы конца 19 – начала 20 веков, спецкурс по творчеству Валерия Брюсова и Максимилиана Волошина... Работать в университете в те времена было не только престижно, но и ответственно. Ежедневный контакт с аудиторией, ее реакция, внимание, вопросы – все это приносило огромное удовлетворение.

- В начале 90-х факультет начал рушиться на глазах, в течение немногих лет один за другим из жизни ушли наши учителя, и грузинской русистике вообще несладко пришлось... Как вы справлялись, как выстояли?

- Будем объективны. Университетские кафедры зачастую напоминают закрытые корпорации, куда чужаки попадают крайне редко и по особому приглашению. К сожалению. Кафедра в свое время не сделала ставку на молодые кадры, и момент был упущен. Внешние фак-

торы, конечно, сыграли определенную роль, но были и обстоятельства внутреннего свойства. Уходили учителя, а смены не было. Не было целенаправленного набора кадров... Хотя в те годы несладко приходилось всем, не только нашей кафедре. Многие научные учреждения закрывались. Это был процесс, общий для всего Союза, длительный и болезненный. В Грузии были свои специфические черты. А потом стало еще хуже. Хотя на кафедре продолжали преподавать люди, в меру сил продолжались традиции старшего поколения учителей, - Мария Филина, Майя Тухарели...

- А когда Гейдельберг возник?

- На вторую конференцию по истории и теории сонета, организованную Герасимовым, был приглашен профессор Гейдельбергского университета Хорст Меллер, известный специалист по истории английской литературы. Мы сдружились, стали переписываться. Какая тогда была переписка? - каждое письмо шло недели по две. Приглашать меня в Германию для чтения лекций он стал еще в начале 90-х. Воспользоваться его приглашением впервые мне удалось только в 1996 году... Константин Сер-

С. Хангулян. Портрет жены.

геевич был уже тяжело болен. Он с нетерпением ждал, когда я вернусь, расскажу о своих впечатлениях о Гейдельберге, где он сам бывал неоднократно. Впечатлений у меня было много, я боялся, что мой рассказ утомит его, а он все расспрашивал и расспрашивал, рассматривал фотографии... Гейдельберг был для него сказочным городом. После моей первой поездки туда, я убедился, что Герасимов несколько не преувеличивал...

- Какой курс вы читали в Гейдельберге?

- Первым был цикл лекций о влиянии английской романтической литературы на русскую поэзию первой четверти 19 века. В частности, речь в них шла о влиянии Кольриджа, Китса и Вордсворта на русских романтиков. Две лекции были посвящены влиянию Кольриджа на Пушкина. Тема оказалась чрезвычайно интересной. Пушкин в свое время говорил, что русским поэтам надо творчески осмысливать именно строгую английскую поэзию, а не «жеманную» французскую. Кстати, в момент наивысшего творческого взлета Пушкин в одном из писем попросил жену прислать в Болдино два томика именно Кольриджа.

Следующий цикл лекций был посвящен отражению событий кавказской войны в русской литературе XIX века. В связи с событиями на Северном Кавказе в 90-е годы эти лекции вызвали особый интерес. Потом я читал и другие циклы, среди которых особой популярностью пользовался цикл о «Евгении Онегине». А позднее меня стал приглашать читать публичные лекции на злободневные темы Немецко-американский институт в том же Гейдельберге.

- На каком языке вы читали?

- В то время на английском, поскольку циклы читались на факультете англистики. Позднее, когда удалось привести в надлежащий вид мой немецкий, на немецком.

- Как возникла идея вашей антологии «Серебряный век русской поэзии», в чем ее отличие от других подобных изданий?

- Практически все существующие антологии русской поэзии конца 19 - начала 20 веков собирали под одной обложкой представителей различных направлений, скажем Блока, Бунина и Бурлюка - поэтов очень разных и по мировоззрению, и по поэтике. В основе же идеи издания трехтомной поэтической антологии Серебряного века лежит принцип классификации. Поскольку литературное движение классифицируется, то можно выделить основные направления - модернизм, авангард и реализм, которые существовали параллельно друг другу. Поэтому и возникла идея выделить три этих направления и создать антологию из трех частей. Наиболее значительным течением той эпохи был модернизм. Термином этим зачастую злоупотребляют, но в данном случае под модернизмом понимается символизм и акмеизм. Первый том антологии, опубликованный сначала в Тбилиси в 2005 году, а затем переизданный с изменениями и дополнениями в Москве в 2009 году под эгидой «Новой газеты», представляет поэтов, причастных именно к модернизму - это предшественники и основоположники русского символизма Соловьев, Брюсов, Блок, представители акмеистической школы Городецкий, Гумилев, Ахматова, поэты, близкие к этим кругам. Другим значительным явлением в то время была поэзия авангарда - от футуристов до обэриутов. Эти поэты будут представлены во втором томе. Третий том антологии представит поэтов, непосредственно продолжающих традиции русского реализма 19 века - Бунина, Набокова, Клюева, Есенина... В целом период времени, который принято называть Серебряным веком, феномен чрезвычайно любопытный. Здесь, как и в случае с «золотым веком» пушкинской поры, мы сталкиваемся с явлением, которое академик Вернадский еще в 1926 году назвал «пульсацией талантов». Почему в течение одного определенного временного промежутка на литературную арену один за другим выходят поэты, приблизительно равные по степени своего таланта?

- Неужели это просто хронологическое совпадение?

- Попытка ответить на этот вопрос не является прерогативой литературоведения. Это, скорее, область генетики и психологии. Серебряный век, мне кажется, следует воспринимать именно как временную протяженность, хронологическое явление..

- Когда ожидаются следующие два тома - «Авангард» и «Реализм»?

- Второй том уже подготовлен к печати. Принцип построения и подборки иллюстративного материала будет тот же - биография, библиография прижизненных поэтических изданий, подборка стихотворений. Будет большее количество иллюстраций, если сравнить с первым томом антологии, поскольку поэзия авангарда значительно теснее, чем символизм и акмеизм, связана с живописью и графикой, в особенности с книжной графикой. Третий, завершающий том «Реализм» уже начинает формироваться.

- Я не могу замолчать тему вашего отсутствия в Тбилиси. Где вы сейчас живете и чем занимаетесь?

- Вот уже полтора года я нахожусь в Атланте, столице

штата Джорджия. Кстати, Атланта и Тбилиси – города-братимы. От случая к случаю читаю лекции, занимаюсь переводами. Организация библиотечного дела в Штатах стоит на высочайшем уровне, во многих университетах хранится огромное количество материалов по истории мирового авангардного искусства, есть ряд ученых, занимающихся проблемами русского живописного и поэтического авангарда, общение с ними относится к ряду тех привилегий, которые дает мое пребывание здесь.

- Какое место в вашей жизни занимают занятия живописью?

- Увлечение живописью приобрело более серьезный характер после моих встреч в Коктебеле и Москве с художниками Сергеем Мейтувом и Львом Кропивницким, другом Герасимова. Благодаря их урокам и терпению мне удалось освоить технику акварели, которая в профессиональном мире художников считается одной из сложнейших. Кроме того, в обретении навыков рисования в свое время мне очень помогли своими советами тбилисские художники Варужан Хачатуров и Джованни Вепхвадзе. В начале 90-х годов мне довелось принять участие в нескольких коллективных выставках в Тбилиси, в том числе и в благотворительной – вырученные средства от продажи картин были направлены в фонд по восстановлению проспекта Руставели после событий декабря 1991-января 1992 годов. В 1993 году была выставка в Лунде (Швеция), а потом несколько выставок в Гейдельберге. Последняя состоялась там же в 2007 году. Осенью прошлого года в Атланте были выставлены мои графические работы, и после выставки меня приняли в Союз художников Атланты.

- Есть ли у вас особые предпочтения в живописи?

- Я с большим уважением отношусь к любому направлению в изобразительном искусстве, но если говорить о внешнем и внутреннем влиянии, то я в первую очередь назвал бы классический рисунок эпохи Ренессанса и творчество английских художников XIX века, включая прерафаэлитов и Лоуэренса Альма-Тадему. В последнее время мне становится близка и понятна графика Эгона Шиле и Хорста Янссена.

- Как давно сказано, «лишь поэзия прежде всего»... Что, на ваш взгляд, сейчас «прежде всего», и каково сейчас поэзии?

- С общечеловеческой точки зрения сохранение и развитие духовных ценностей в наши дни продолжает оставаться приоритетом. Достижению этой цели и должно способствовать искусство вообще и поэзия в частности. Для меня, как для историка литературы, совершенно очевидно, что для поэзии не существует каких-то особых благоприятных времен. Эти времена бывали и продолжают быть то жесткими, то жестокими по отношению к авторам, но все-таки следует помнить, что «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Латинская поговорка «Ars longa, vita brevis» - «Искусство вечно, жизнь коротка» - столько раз доказывала свою правоту, что у нас нет никаких оснований сомневаться в ее истинности, каким бы пустым и бесплодным ни казался нам день сегодняшний. То, что пишется сегодня, будет услышано, прочитано и оценено завтра. В этом у меня нет никаких сомнений.

- В чем вы видите назначение вашей деятельности?

- Трудно самому оценивать результаты собственной деятельности. Но, может быть, тот факт, что бывшие студенты много лет спустя вспоминают мои лекции по литературе, говорит о том, что старания мои не ушли в песок. И это, конечно, не может не радовать...

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

Художественный мир Сергея Хангуляна

МУЗЫКА НА ВЕТРУ

КНИГУ «МУЗЫКА НА ВЕТРУ» ИЗВЕСТНОГО ГРУЗИНСКОГО ПИСАТЕЛЯ РЕЗО ЧЕИШВИЛИ, ПРОЗАИКА, ДРАМАТУРГА, КИНОСЦЕНАРИСТА. ЛАУРЕАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ ГРУЗИИ, ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР (ЗА СЦЕНАРИЙ ФИЛЬМА «ГОЛУБЫЕ ГОРЫ») СОСТАВИЛ ЦИКЛ НОВЕЛЛ, РАЗНООБРАЗНЫХ ПО ТЕМАТИКЕ И ХАРАКТЕРУ. ЭТО – ПОЭТИЧНАЯ, МУДРАЯ КНИГА О ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ, О РОДНОМ КУТАИСИ, ПРОНИЗАННАЯ МЯГКОЙ ИРОНИЕЙ И ЮМОРОМ. ПРИВОДИМ НЕСКОЛЬКО НОВЕЛЛ ИЗ КНИГИ, В ПЕРЕВОДЕ С ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКА.

ФОКСТРОТ

Лето, жара. Я ученик второго класса. Шутка ли сказать, второй класс! Взрослые обычно спрашивают: ты перешел во второй или уже во втором? Станный вопрос. Ясное дело, перешел. Возможно ли летом во время каникул оказаться во втором классе, если ты не перешел в него из первого.

Меня пригласили на день рождения к соседскому мальчику, вернее на утро рождения.

«Утром пригласили детей, вечером взрослых», – наверное, подумали вы, и это было бы вполне логично. Но дело в том, что, придя в то утро в гости, я встретил там гораздо больше взрослых, нежели детей.

В наших краях редко праздновались дни рождения. Родители не баловали этим своих детей ни тогда и ни после, когда у людей появились и возможность, и на-

Резо Чейшвили

строение. Сын мой, когда он был маленьким, однажды поинтересовался: как, говорит, здесь растут дети, если им не справляют дни рождения, как, говорит, у них прибавляются годы к годам. Я объяснил ему, что это не имеет никакого значения, что ребенок растет и тогда, когда его день рождения не только не празднуют, но даже проклинают, и что вообще дети растут везде.

Как только меня нарядили, почтальон принес газеты. Папа перебрал газеты и одну из них стал внимательно просматривать. Он долго стоял как зачарованный, не отрывая взгляда от первой страницы, на которой была напечатана большая фотография Сталина. Она занимала три столбца, если не ошибаюсь. Он был снят во весь рост, в белых брюках и белом кителе. Как я сейчас понимаю, это был специальный выпуск, и снимок этот был напечатан тоже специально с большой тщательностью. Спокойно и внушительно стоял этот человек в белом.

– Эту фотографию надо вырезать и обязательно повесить на стенку! – сказал папа.

Я отправился на день (или утро) рождения. Была прохладная ясная погода. В маленьком дворике стоя-

ли два больших дерева красного ткемали. Из открытых окон небольшого домика доносились звуки патефона. Слабый ветер колыхал прозрачные тонкие занавески.

На стене той комнаты, где играл патефон, висел портрет Сталина. Его уже вырезали из газеты и повесили на видное место. Пока кто-нибудь обратил бы на меня внимание, я занялся разглядыванием этого снимка. Почему его вырезали из газет и клеили на стены, никто не знал. Наверное, это необходимо, думал я, уставившись на портрет. Интересно, почему я так настойчиво смотрел на этот снимок. Это была всего-навсего вырезанная из газеты фотография, но во взгляде этого человека в белом да и в самой белизне было что-то тревожащее и необъяснимое.

Я не стал надолго задерживаться на этом самом утре рождения. Дети разбрелись кто куда, и я тоже отправился домой. Меня не ждали так рано. Спросили, почему я сбежал. Я сказал, что я не сбежал, а ушел.

Ну как, говорят, провел время?

Сейчас всю душу вытянут своими вопросами, изведут.

– Как провел, так и провел, – отвечаю я.

После этого меня наконец оставили в покое. Я занялся своими делами, они – своими. В середине дня я неожиданно заявил:

– Фокстрот танцевали.

– Где танцевали фокстрот?

– Там.

– Где это – там?

Будто они не знают где.

– Вы танцевали?

– Нет, не мы.

– А кто же?

– Взрослые.

Язык у меня развязался, и я со всеми подробностями рассказал, кто с кем, где, когда и как танцевал фокстрот. Мой рассказ обрадовал и развеселил слушателей.

После этого меня спросили, танцевал ли фокстрот такой-то человек.

– Это который? – спросил я, прекрасно зная, о ком шла речь.

– Такой-то и такой-то.

– Да, танцевал.

– С кем?

Я и на этот вопрос ответил.

Взрослые улыбались. Я никак не мог понять, почему это их так заинтересовало.

– А почему вы повесили здесь этот снимок? – некстати спросил я вдруг под конец разговора, чем привел в замешательство своих собеседников.

Папа спустя некоторое время ответил, что так надо.

Так надо. . . Зачем было надо? Многого и сами они не знали. . . «Так надо», – скажут тебе многозначительно, будто что-то скрывают от тебя. . .

Придя к такому заключению, я стал рисовать.

Перед сном я слышал звуки фокстрота. Где-то играл патефон. Где-то танцевали. Засыпая, я видел спокойное лицо человека в белом, и в этом спокойствии чувствовалось что-то тревожное и волнующее.

РЕКИ НЕ ТЕКУТ ВСПЯТЬ

По Военной дороге двигался поток новобранцев. Они шли пешком из отдаленных районов. С вокзала их отправляли эшелонами до распределительных пунктов, а оттуда прямо на фронт.

Шли они усталые, запыленные, с рюкзаками, мешками или просто узелками за спиной. Пройдя мимо нашего дома, сворачивали на Сакирскую улицу и, дойдя до вокзала, располагались на товарной платформе. Там, отдохнув и насытившись взятой в дорогу едой, они

начинали кутить. Выпивку приносили с собой, а те, у кого ее не было, покупали. Провожающие – родственники, близкие, знакомые и даже незнакомые – приносили с собой вино, чтобы благословить новобранцев, собирались группами, до отхода эшелона пели, плясали, шумели. Отовсюду неслись звуки гармонии, доли и пандури.

Новобранцы плясали с рюкзаками за спиной, возбужденные, с перекошенными лицами. Плясали, вскочив друг другу на спины. Таких плясок я не видел ни до (собственно говоря, где я мог их видеть), ни после того. Я был свидетелем и того, как, подняв сына на руки, плясал уходящий на фронт отец.

Вечерело. С шипением выпуская клубы дыма, рассыпая искры, пыхтя и вздыхая, грохоча буферами и поскрипывая шпалами, двинулся в путь паровоз, потянув за собой эшелон, конца которому не было видно. Молодые пары на подножках вагонов, цепляясь за поручни, наполовину высунувшись из окон, прощались со знакомыми и незнакомыми, родными, близкими, с сестрами и братьями, с родителями, с женами и детьми – и все до единого обещали скоро вернуться.

На следующий день вереницы новобранцев вновь наводнили Военную дорогу. Шли они с рюкзаками, вещевыми мешками и даже узелками за спиной, усталые, запыленные, разморенные.

Между нашим домом и забором Габададзе проходила канавка, куда в любую погоду стекала вода. Вода, вытекающая из водопровода, из кранов, и даже сточная. Одним словом, это была обыкновенная сточная канава. Двор располагался над уровнем улицы, и канава сообщалась с открытым коллектором. Сточная вода лилась через ограду двора и падала вниз в довольно широкую и глубокую яму.

Однажды разморенный полуденным зноем безусый новобранец выбежал из строя, кинулся к нашей канаве и, прежде чем я успел окликнуть его и предупредить, припал к воде. Я хотел ему крикнуть, чтоб он не пил ее, но было поздно.

Новобранец склонился над ямой и подставил ладони под каменную ограду; жадно пил выливающуюся оттуда воду. Утолив жажду, он кинулся догонять свой отряд, вытирая на ходу губы и отряхивая мокрую шапку.

... Наша канава напомнила ему чистый родник его деревни. Он думал, что всюду такая же чистая вода, как там, откуда он родом. Кто знает, куда потекли ручей или река его жизни, куда влились, где застоялись, где высохли.

А может быть, он благополучно прошел свой путь от начала и до конца, но ведь реки вспять не текут. Они возвращаются уже не реками, не чистыми ручейками, а совсем по-иному, ну хотя бы в виде весеннего дождя.

УЧИТЕЛЬНИЦА РИСОВАНИЯ

Завуч школы вошел к нам в класс с новой учительницей и представил ее ученикам. Сказал, что с сегодняшнего дня она будет учить нас рисованию, что рисование очень интересный предмет, и сейчас, говорит, мы посмотрим, с каким вниманием и прилежанием вы приступите к усвоению этого перспективного вида искусства.

Молодая учительница, которая собиралась учить нас рисовать, была одета довольно необычно и смело для того времени, я бы даже сказал — слишком смело. У нее были каштановые, спадающие на щеки волосы, высокая грудь, полные губы и щербатые зубы. Она смеялась по каждому поводу и все время откидывала назад спадающие на лицо волосы.

Она провела с нами беседу о рисовании и даже о живописи, если мне не изменяет память. А теперь,

сказала она нам, достаньте альбомы и цветные карандаши (ни того, ни другого у нас, разумеется, не было), резинки (резинки у нас были) и нарисуйте овцу, привязанную к дереву цепью.

Сперва, оказывается, надо было нарисовать цепь, затем овцу, а потом уже фон. Она сказала, что для фона надо брать не реку, а дом на заднем плане. Низкий каменный дом с открытыми окнами, и что на подоконниках должны стоять горшки с цветами. Как оказалось потом, изображать фон (разумеется, не реку) было обязательно. Если, мол, успеете, нарисуйте, а не успеете – ничего страшного. Главное – нарисовать овцу, привязанную к дереву цепью.

Мы приступили к работе. Рисовали кто чем мог. Одни чернилами, другие карандашом, словом, чем попало и на чем попало: на линованных листах, на промокашках, на обложках книг. Вскоре прозвенел звонок, и мы успели нарисовать только цепь, над воплощением которой мы в основном и трудились. Ни разу после этого у нас уже не было урока рисования.

А новую учительницу я лично сам видел два или три около учительской, а также несколько раз на улице, после чего я уже нигде ее не встречал. И по улице и в школе ходила она вызывающе (тогда я еще не знал этого слова) одетой. Во всяком случае, одевалась она не так, как принято было одеваться в то время.

Был январь. Я приехал домой на праздники. За весь декабрь ни одной снежинки не упало на землю, и в январе тоже стояли солнечные дни. Зато дул холодный ветер и по ночам морозило. В полдень, когда солнце заглядывало во все четыре окна залы, в комнате становилось тепло, и лишь свист ветра и монотонное поскрипывание инжировых веток нарушало тишину. В тот день ветер усилился. Еще сильнее скрипели, вздыхали, постукивали друг о друга ветки инжира. С шумом распахнулась железная калитка во дворе и с шумом же захлопнулась за кем-то вошедшим.

Женский голос позвал хозяев. Хозяева выглянули, пригласили гостью в дом. Я слышал, как в прихожей кто-то извинился. «Не беспокойтесь, я сама повешу пальто», – говорила гостья. Интересно, кто к нам пожаловал в такую непогоду, подумал я и тут же увидел входящую в комнату полную женщину в преклонном возрасте, с густыми волосами, выкрашенными в вызывающе красноватый цвет.

Она, как оказалось, была преподавательницей музыки, давала частные уроки любителям игры на пианино.

Меня познакомили с преподавательницей музыки.

– Сама я играю только по слуху и обучаю тоже по слуху... – завелась она, показывая щербатые зубы.

– А ноты вы не знаете? – спросил ее кто-то из присутствующих.

– Знать-то знаю, но преподаю по слуху. Вообще-то я не получила классического музыкального образования. . .

Одна песня стоила пять рублей, но в нашей семье не оказалось желающих обучаться музыке.

Холодный ветер бил в стекла, раскачивал инжировые ветки, время от времени выл и свистел за окнами.

Преподавательница музыки как-то неловко сидела на краю стула и молчала. «Если никому не нужна музыка, чего я здесь сижу?» – думала она, наверное. На ногах у нее были боты в эту сухую ветреную погоду. Я долго не мог припомнить, где видел ее раньше, и вдруг узнал учительницу, которая тридцать лет назад дала мне первый и последний в моей жизни урок рисования. Где она была все это время? Где ее носило? Какие еще предметы преподавала она, прежде чем перешла от рисования к музыке? . .

Ей предложили чаю с вареньем. Она выпила, закусила пирогом. Согрелась, оживилась, без спросу под села к пианино и в какой-то страшно высокой тональности

сыграла «Загляни в глаза другу», «Два кувшина я купила, вай, вай...» и тому подобное.

От пианино ли дребезжали окна, или от ветра, трудно было понять. Завывания ветра, скрип инжировых веток, позвякивание оконных стекол и гром инструмента слились воедино, и у преподавательницы музыки постепенно пропал весь пыл. Она прекратила игру. Поняла, что не смогла произвести впечатления на окружающих.

Сказала, что пианино расстроено.

С ней согласились, подтвердив, что действительно оно расстроено.

— Пять рублей беру за обучение одной песне, обучаю без нот, по слуху. Сейчас дует ветер, и инструмент расстроен... — нехотя повторяла она.

Уходить ей явно не хотелось.

На дворе было холодно. По улицам носился ветер, пронизывал до костей.

А учительница сидела в ботах в эту сухую погоду.

Разве в те годы кто-нибудь носил боты?

СИНЯЯ ПТИЦА

Деревня наша расположена на склоне горы. По краю села проходит лощина. Река, образуя излучину, огибает скалистые берега, не спеша, спокойно журчит вдоль обрывов и отлогих скал, медленно течет, оставляя позади себя разбросанные там и тут поля и пастбища. Скала, изогнувшись дугой, обхватывает русло реки. Образовавшиеся в скале сланцевые ступени издали напоминают лестницу, а если подойти поближе, можно увидеть; что это всего лишь узенькие длинные терраски.

Вершина скалы представляет собой плоскогорье, по ту сторону которого находится другая деревня. Сколько раз приходила мне в голову мысль взобраться на скалу, перейти оттуда в деревню, которую я еще ни разу не видел вблизи, и вернуться назад по тропинке, которой обычно на закате возвращаются с работы домой крестьяне,

так и не додумавшись хоть раз подняться на скалу.

Я же решил подняться, а если человек принял решение, надо его осуществить.

Итак, один-одинешенек, сопровождаемый лишь маленькой белой собачкой, кончик хвоста и ухо у которой были черными, приблизился я к крутой отвесной скале.

Легко, без особого труда достигли мы с моськой середины скалы; зато подниматься выше становилось все труднее, и это озадачило меня и заставило призадуматься, но отступать не хотелось. Я стал медленно продвигаться по карнизу слева направо. Собачонка шла следом. Дойдя до середины карниза, я поднялся чуть выше и снова двинулся вправо. Собачка не могла уже идти дальше. Немного помешкав и в конце концов правильно оценив свои возможности, она повернула обратно; не спеша, тем же путем спустилась вниз, примостилась у подножия скалы и, задрав морду кверху, уставилась на меня в ожидании, чем же завершится мое восхождение.

Я снова медленно иду вдоль по карнизу. При малейшей возможности поднимаюсь выше и так шаг за шагом, двигаясь по спирали, покоряю уступы.

Понимаю, что мое скалолазание добром не кончится, но какая-то сила толкает меня вперед, вверх, к незнакомым, неизведанным местам. Трухлявая горная порода уже рассыпается у меня под ногами, летят вниз камни. Страх овладевает мной, дрожат колени. Я остановился, не могу сдвинуться с места, ни вперед, ни назад. Едва различаю где-то внизу землю. И собачку уже не вижу. Скорее всего, она оставила меня здесь одного и затрусилась в сторону дома. Валяется, наверно, сейчас под деревом, высунув язык, как ни в чем не бывало. Даже знать никому не дает, где она меня бросила. Стою и не знаю, как быть. Крикнешь — никто не услышит, а услышит — какой от этого толк! Кто тебе поможет? Мои сверстники сюда не поднимутся, а взрослого эта труха не выдержит.

Просто не хватает терпения, а то, если подумать как следует, здесь все-таки можно и постоять и чуть-чуть поразмяться. Я даже сумел повернуться и прислонился спиной к скале. Я увидел гору по ту сторону реки – гору, над которой парила синяя птица.

Склон горы весь зарос кустарником, а вершину покрывал мягкий зеленый луг. Я видел, как кружила синяя птица над пронзительно зеленым лугом. Широко раскинув крылья, то плавно, словно не шевелясь, опускалась она вниз, а то вдруг сразу почти незаметно взмывала вверх. А потом снова опускалась, скользя над травой, подобно клочку тумана, и снова взмывала в небо. Кружила над горой, вершина которой была гладким шелковистым лугом. Ястреб это был или коршун, я не мог разобрать. Видел только, что это птица, синяя птица. Синие сверкающие крылья и белая грудь ее переливались под солнцем в лазури, над мягким зеленым лугом.

Часто, очень часто уже позднее устремлял я свой взгляд не к скале, где застрял однажды, а к той самой горе, над которой парила синяя птица. Гора напоминала мне курган, и я смотрел на нее каждый раз, когда солнце всходило, и тогда, когда оно садилось. Мне хотелось подняться туда, но я не поднимался. Не делал этого потому, что взобраться туда ничего не стоило, да и не следовало, наверное. Чему быть, того и так не миновать. Подняться можно всегда. Не сегодня, так завтра, а не завтра, так все равно когда-нибудь. А та гора или курган существуют и во мне и вне меня и по сей день. Помню, как стоял я тогда над пропастью, словно слившись со скалой, как боялся этой пропасти и как смотрел на вершину горы, поросшую мягкой зеленой травой.

Всякий раз при воспоминании о той горе и о птице, кружащей над ней, трепет охватывает меня, неясное чувство страха овладевает мной. И по сей день то во сне, то наяву вижу я парящую в солнечной лазури синюю птицу, черная тень которой, подобно вылетевшей из кургана душе, блуждает над гладкой поверхностью горы.

КНИГА С КАРТИНКАМИ

Идет по улице мальчик в коротких штанишках. В руках у него раскрытая книга с картинками. Идет он совсем один, ни на кого не смотрит, никого не замечает. Весь ушел в свою книгу. Медленно, не спеша направляется в мою сторону, подходит все ближе и ближе. Я стою напротив Сакирской улицы у стекольной фабрики. Чуть ниже – заброшенная часть вокзала; недействующие железнодорожные пути; вымазанные мазутом шпалы, сорняки и почерневший щебень между рельсами. Мальчик в коротких штанишках неторопливо, размеренным шагом приближается ко мне. Я не отрываясь смотрю на раскрытую книгу с картинками. Яркие, сияющие краски еще издали режут глаз.

Решено. Я отниму у него эту книгу! Здесь все обирают друг друга. Хватают все, что не так лежит. Можешь отнять – отними, заведи, вырви прямо из рук. Хоть пуговицу оторви у того, у кого нет ничего ни в руках, ни на голове. Бей, колоти, доводи до слез, до рева. Слабый нападает на сильного, сильный – на бессильного. Закон джунглей царит на земле. Тогда я, кажется, не знал про «закон джунглей», но и не зная я придумал бы его сам, в таком я был настроении. Каких только способов вымогательства не существовало в то время! Невозможно перечислить, чего только не придумали для того, чтобы большой обобрал маленького, сильный – слабого. Остановлюсь лишь на одном – самым удобным методом, как видно, был принцип «одолжи», поскольку им у нас пользовались чаще всего. Заключался он в следующем: человека, которого ты собирался ограбить, следовало вначале попросить, одолжи, мол (неважно, что ты хотел

у него отобрать), если он отдавал тебе эту вещь (неважно, какую), ты должен был ее взять и не возвращать, в случае же отказа надо было заморочить ему голову бесконечными «одолжи, одолжи». Не подействует – отними, сказав при этом «верну», но, разумеется, без всякого возврата. Вот вам начало и конец этой простейшей, на первый взгляд, манипуляции.

Сердце у меня сжалось, как только я представил себе, какой крик и рев поднимет мальчишка в коротких штанишках.

– Подойди сюда! – скажу я ему.

– Нет... – ответит он вызывающе и попытается назад.

– Подожди, все равно никуда от меня не убежишь!

Он останавливается. Стоит, не смеет бежать. Я подхожу к нему вплотную.

– Что это?

– Книга.

– Одолжи мне ее.

– Не одолжу.

– Одолжи!

– Нет. Не одолжу.

– Тогда посмотрим, чья возьмет, – и так далее в таком роде.

Потом слезы, рев, борьба. Наконец, пинок в зад – и дело с концом. Пусть себе ревет сколько влезет. И все-таки представить всю эту картину довольно трудно. Как много, наверное, приходилось страдать бедным разбойникам, прежде чем выйти грабить на проезжую дорогу.

Мальчик поравнялся со мной и остановился под моим пристальным взглядом.

– Подойди!

Он подошел.

У него светлое округлое лицо, короткие, гладко зачесанные каштановые волосы, глаза синие, взгляд открытый. Он смотрит на меня и улыбается.

– Что это у тебя?

– Книга.

– Одолжи!

Отдает.

Сбоку на поясе у него болтается маленькая сабля. Я только сейчас заметил ее. Отбираю и саблю. Мальчик смотрит на меня с улыбкой. Он рад, что и я заинтересовался его книжкой и саблей, хочет передать и мне свое восхищение. А книжка действительно прекрасная. Вернее, это не книга, а альбом с рисунками и непонятными для меня надписями. Боже, какие это были удивительные рисунки!

Держу я эту чудесную книгу в руке, а саблю под мышкой. Разглядываю картинки, яркие краски режут глаз, рисунки светятся, согревают меня и пугают, уносят далеко, в какой-то неведомый мне мир.

– Это твоя сабля?

– Моя.

– Хорошая! – оценил я саблю и повесил ее ему на плечо.

– И книга тоже твоя?

– Тоже моя.

– Это очень хорошая книга! – сказал я, возвращая книгу.

Мальчишка пошел дальше, через несколько шагов он оглянулся и, как мне показалось, призадумавшись, продолжил свой путь, не понимая, отчего я, расстроенный и озабоченный, застыл на одном месте посреди дороги.

Я отчетливо вижу и сейчас явившегося мне тогда светлоголикого мальчика... И порой, когда сатана вдруг потянется к незримой части моего существа, я снова и снова вижу перед собой явившееся мне однажды лицо, и что-то в душе моей вмиг озаряется, как раскрытая под солнцем книга с картинками.

Резо ЧЕЙШВИЛИ

Перевела Гина Челидзе

Мост Мира - новый пешеходный мост через Куру в Тбилиси. Открыт в мае 2010 года.
Архитектор Микеле де Луччи органично вписал его в панораму Старого города.

Валерий Сварчук

ТБИЛИСЕЦ В ТРЕТЬЕМ ПОКОЛЕНИИ

Общественная деятельность – это, скажем прямо, не тот вид работы, который приносит состояние и большую славу. К тому же это занятие не только очень сложное и ответственное, но и чрезвычайно хлопотное. Люди начинают ею заниматься по самым разным причинам – по убеждениям, случайно, по приглашению... А вот если общественная деятельность становится смыслом и делом жизни, причина может быть одной-единственной - человек нашел свое призвание, и значит, она приносит самое главное, что только может дать работа, - удовольствие и то самое моральное удовлетворение, без которого любая работа кажется незавершенной.

«Спешите творить добро», – как часто мы слышим и повторяем сами эти слова. И каким огромным расстоянием оказывается расстояние от умозрительной цитаты до реальных дел, и какого действительного уважения заслуживает человек, которому даже не пришлось преодолевать это расстояние, потому что он любому афоризму предпочитает сделанное дело. А его дело – помогать.

Недавно Валерий Сварчук, президент Союза российских соотечественников в Грузии «Отчизна», отпраздновал юбилей. Но он не из тех людей, кто любит

подводить итоги и перечислять прошлые заслуги. Вчера было вчера, а Сварчук работает сегодня. И, как известно, если думаешь о дне сегодняшнем, то твой завтрашний день сам позаботится о себе.

Валерий Сварчук родился в Тбилиси. Его дед с материнской стороны и сама мама – тбилисец, рассказывает Валерий. – А детство было нелегким, таким же, как у всех послевоенных детей. И все же годы учебы в школе - самые светлые в жизни. Мы, как и все люди того времени, были большими идеалистами. Для нас школа была, без преувеличения, святым местом, куда мы рвались, где проводили дни и ночи. Мы все идеализировали и строили «планов громадьё». У нас был прекрасный класс. Из 30 человек 26 получили высшее образование. До перестройки мы много общались, часто встречались. А потом – «иных уж нет, а те далече»...

Валерий окончил Свердловский экономический институт по специальности экономист-бухгалтер, затем – Московский институт экономики, статистики, права и юриспруденции, получил диплом юриста. Уже во время учебы он начал работать, работал много, и вскоре заслужил имя и репутацию настоящего профессионала. Для него было принципиально важным, и это ему

удалось, не уронить имя отца – известного специалиста, долгие годы работавшего главным бухгалтером железной дороги Молдавии, а затем Грузии. А потом наступил всем памятный коллапс – и деньги обесценились, и работы не стало. Валерий переходит в сферу бизнеса. В 1996 году ему предложили дать экспертную оценку одного из проектов международного гуманитарно-благотворительного союза «Надежда» - неправительственной общественной организации Грузии, существующей и сегодня. Тот проект, кстати, Валерий не одобрил – он был бы проигрышным, а вот ему предложили поработать исполнительным директором «Надежды». В 1999 году он возглавил эту организацию, и сполна испытал на себе, что же это такое – не только работать в общественной благотворительной организации, но и делать это в самые, пожалуй, трудные времена. Он вспоминает: «Самым тяжелым было то, что все оказались разъединены, а у людей было очень много проблем, особенно у пожилых, особенно у русских. В тот период они как бы выпали из правового поля и стали не нужны. А в «Надежде» они находили отдушину. На каждый прием приходили 70-80 человек со своими бедами – с хорошим-то никто не шел... Шли за материальной, моральной, медицинской, юридической помощью...»

Программы поддержки соотечественников за рубежом тогда не существовало, и Валерий Константинович пытался организовывать помощь за счет собственной фирмы. Но главным фактором оказалась дружеская помощь, люди шли навстречу друг другу, и он старался находить тех, кто готов был помочь – оказать медицинскую помощь, сделать срочную операцию, послать на лечение и отдых. Помогали вне зависимости от национальной принадлежности. Вновь зарегистрировав «Надежду», Валерий убрал из определения слово «русская», организация стала «русскоязычной», и с этого момента рамки ее расширились – «Надежда» объединила людей, которые любят русский язык, для кого он значимая часть жизни. А объединив, и в самом деле дала им надежду. «Я считаю, - говорит В.Сварчук, - что до сих пор языком межнационального общения у нас остается именно русский. Не знаю, как у нас получится с английским, но именно за русским языком стоит славное многовековое прошлое».

Серьезным организационным достижением стало создание Координационного совета русскоязычных организаций Грузии и в 2004 году - Союза соотечественников «Отчизна». На сегодня он сплотил 28 организаций со всех регионов Грузии, которые не являются чисто русскими, они многонациональны и объединяют всех, кто любит и уважает русскую культуру, русский язык и литературу, кто хочет способствовать улучшению отношений между Грузией и Россией – а это около 40 тысяч человек. «Отчизна» сотрудничает с правительственными и неправительственными организациями Грузии, международными объединениями, союзами и обществами.

Программа поддержки соотечественников за рубежом – исключительно гуманитарно-благотворительная и не несет никаких политических целей. За пределами России живет около 30 миллионов соотечественников – добровольных и насильственных эмигрантов. Если каждый из них хоть что-то сделает и для страны проживания, и для своей исторической родины, это станет самой надежной и короткой дорогой к миру. Цель программы - прямая поддержка населения: дважды в год с помощью «Отчизны» отправляются на отдых ветераны войны, детский лагерь в Кобулету пятый год подряд принимает до 60-ти детей из нуждающихся семей. Важнейший аспект программы - сохранение поля русского языка, и Союз регулярно передает в подарок педагогам и детям методическую литературу и учебники,

организует тренинги педагогов, олимпиады по русскому языку, победители отправляются в Москву на финал. На протяжении последних восьми лет Союз располагает квотами для поступления в российские вузы. «Я был бы рад, - говорит В.Сварчук, - если бы молодые специалисты, окончив вузы в России, вернулись на родину, в Грузию. И вообще, терять жизненное пространство нам нельзя. Самое тяжелое время мы пережили вместе. Этот период не пощадил никого – плакали и грузины, и русские... Я видел профессионалов, оставшихся без работы, обездоленных и нищих людей всех национальностей. Несмотря на огромную трагедию, которая случилась в жизни России и Грузии, я остаюсь приверженцем поисков путей компромиссов, сближения, восстановления взаимного доверия. Поэтому я приветствую шаг, который сделала Грузия, открыв границу со своей стороны. Надеюсь, что и ответные шаги будут сделаны. Нужно жить в рамках суверенных государств, но в мире со своими соседями».

На мой закономерный вопрос, что он вкладывает в понятие «отчизна», Валерий отвечает сразу: «Отчизна – это все, что с нами было, есть и будет, это любовь и взаимопонимание, теплые отношения, которые не смогли вытравить за все эти годы. Я даже повторяю, что мы – либо очень интеллигентны, либо, и правда, очень любим друг друга, раз до сих пор нас не смогли заставить ненавидеть друг друга».

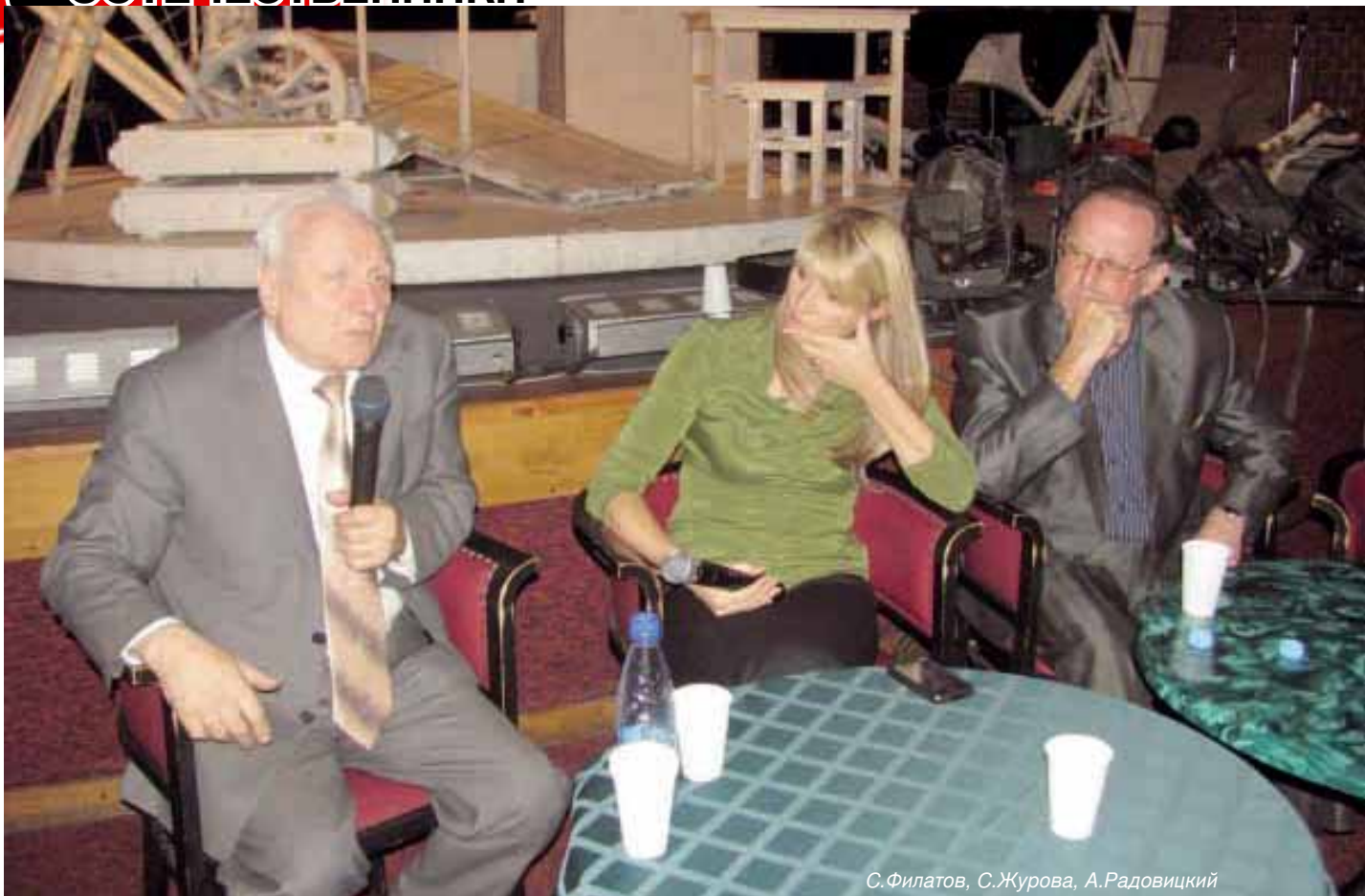
Валерия Константиновича не назовешь идеалистом. Он смотрит на вещи с бесстрашием реалиста. Тем отраднее, что он, понимая весь трагизм и сложность дня сегодняшнего, с верой и надеждой смотрит в будущее: «Ситуация очень тяжелая. Мы все эти годы ждали потепления. А Молох раскручивается. Наша общая задача – вернуться к диалогу, к общей исторической памяти. Но народная дипломатия поможет только в том случае, если будет добрая воля политиков».

Тбилисец в третьем поколении, человек постоянных привязанностей, надежный товарищ, преданный семьянин продолжает жить и работать в родном городе. И не собирается менять место жительства. «Зачем уезжать? Я никогда не хотел покидать Грузию. У меня не было такого искушения. Я искренне люблю эту страну, здесь родился, это моя страна. Работаю и общаюсь по-грузински. Я человек этой земли».

Поэт был прав, многие слова у нас и в самом деле «в привычку входят». Но если и есть слова, которые наполнены сокровенным смыслом, важны для каждого и без которых жизнь человека невозможна, то одним из первых в этом ряду будет «отчизна». Как хорошо, когда человек не только понимает могучее значение этого слова, но и живет так, как должно жить сыну своей Отчизны.

Нина ШАДУРИ

С.Филатов, С.Журова, А.Радовицкий

МЫ НУЖНЫ ДРУГ ДРУГУ

18-22 октября в подмосковных Липках проходил X Форум молодых писателей России с участием молодых писателей СНГ и зарубежья. В этом году конкурсный отбор на юбилейный форум смогли пройти более 180 молодых (до 35 лет) литераторов из 15 стран. Он организован Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ, которым руководит известный российский политический и общественный деятель Сергей Филатов, при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ. Среди целей липкинского форума: открытие новых имен в литературе и продвижение их произведений к читателю; консолидация молодых литераторов, создание условий для их общения; обучение литературному мастерству молодых литераторов; пропаганда российской литературы и повышение ее роли в развитии личности и общества.

В ходе форума участники имели возможность встретиться и побеседовать с известными писателями, поэтами, критиками: Д.Быковым, А.Кушнером, Л.Юзефовичем, А.Варламовым, В.Личутиным, С.Чуприниным, Л.Аннинским, М.Веллером, П.Басинским, а также с президентом банка «ВТБ-24» М.Задорновым, летчиком-космонавтом А.Леоновым, заместителем руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям В.Григорьевым. В первый день театр М.Розовского «У Никитских во-

рот» показал спектакль «Будь здоров, школяр!» по Булату Окуджаве. В течение трех вечеров молодые писатели могли поближе познакомиться с творчеством друг друга на чтениях «Свободный микрофон». Но, конечно, основное на форуме - работа в 17 мастер-классах, руководители которых представляли «толстые» журналы. А список имен действительно впечатляет своей авторитетной в литературном пространстве составленной: И.Шайтанов, А.Эбаноидзе, А.Арьев, Я.Гордин, А.Василювский, А.Алехин, Р.Киреев, В.Попов, М.Айзенберг, О.Ермолаева, А.Курчаткин, А.Дмитриев, А.Ливергант, Г.Климова, Е.Ермолин, К.Кокшенева, М.Попов, А.Казинцев, В.Пьецух, И.Ермакова, К.Ковальджи, Э.Успенский ...

О впечатлениях от форума, отличия его от предыдущих или подобных мероприятий, о необходимости встреч, о семинарах говорят участники Липок – «семинаристы» и «мастера»: Игорь Савельев (участник семинара прозы, «Новый мир»), Артем Скворцов (соруководитель мастер-класса поэзии, «Октябрь»), а также Павел Тришкин и Елена Исаева – участник и соруководитель семинара прозы и поэзии, Интернет-журнал «Пролог».

Игорь Савельев: «На липкинском форуме я впервые, поэтому сравнивать не могу; бывал раньше на семинарах премии «Дебют». Если сопоставлять... Мероприятия примерно одного формата, и там, и тут «мэтры» и молодые коллеги разбирают текст по косточкам. Одно из главных отличий в том, что на «Дебюте» финалистов всего 20 человек, здесь – почти 200. Если говорить о конкретных впечатлениях, то для меня самым главным стали, во-первых, новые знакомства, а во-вторых, работа на семинаре с Русланом Киреевым. Я знал его как завотделом прозы «Нового мира», мы работали изредка с моими текстами, но только в Лип-

ках впервые за все эти годы смогли по-настоящему пообщаться, по сути, заново познакомиться.

Есть ли необходимость в подобных встречах? Две эти точки зрения не новы и дискутируются в окололитературной печати лет десять, сколько существуют форум и «Дебют». Одни утверждают, что такие проекты очень полезны, и во многом именно им «литература двадцатилетних» обязана расцветом. Эти проекты стали мостом между молодыми – и журналами, издательствами, премиями, критикой и т.д., другие – что это «фабрики звезд», развращающие, сбивающие с пути истинного. Надо ли говорить, что я однозначно придерживаюсь первой точки зрения.

Артем Скворцов: «Мы с Ириной (Ермаковой) с удовольствием вспоминаем наш мастер-класс. Это был самый симпатичный и психологически уравновешенный семинар за все годы. Редко где удастся увидеть в одном месте столько хороших людей, да еще и связанных с литературой.

Структурно форум, на мой взгляд, меняется мало: мастер-классы, лекции для всех участников, ежевечерние посиделки. Единственное, что постоянно находится в движении, – сами люди. Участники в первую очередь. Каждый год обновляется их состав, и те, кто ездят не в первый раз, тоже меняются – внутренне.

Необходимость в подобных встречах есть. Главное, что он дает, – возможность установления личных контактов между людьми, живущими на огромных расстояниях друг от друга, но в одинаковой степени интересующимися литературой. В этом отношении форум явление уникальное, аналогичных по масштабам мероприятий в русском литпространстве практически нет.

Каждый выносит с форума свои впечатления. Для меня интересно наблюдать, как быстро меняются вкусовые моды, пристрастия и поветрия. Ведь вместе собираются люди, которые обычно видятся впервые. А каждый год можно обнаружить какие-то общие черты между авторами из разных концов России или даже из разных стран. То усиливается влияние «новой искренности», то вдруг повеет символистами, то коллективный вкус дружно кренится в сторону авангардного верлибра, то, наоборот, делает резкий поворот в сторону классической силлаботоники. И так далее. Не всегда удастся объяснить подобные тенденции, но то, что они обычно проявляются, – очевидный факт».

Павел Тришкин: Не скрою, очень хотелось попасть именно на десятый, юбилейный форум. Было некое тайное ожидание праздника. Однако на открытии Сергей Александрович Филатов заявил: никаких чествований не ждите, будем работать. Ну что же, работать, так работать. Форум пошел своим чередом, программа – насыщенная и интересная, в первую очередь, сконцентрированная на встречах с известными писателями, как молодыми, так и мэтрами.

Не знаю, есть ли смысл отдельно говорить о необходимости подобных форумов? Когда молодые ребята, мечтающие писать хорошо, многие уже доказавшие свою состоятельность на литературном фронте, получают возможность приехать в Подмосковье со всех уголков страны и даже СНГ. Когда они могут подружиться друг с другом, узнать, что актуально для их ровесников. Да еще к тому же встретиться с редакторами практически всех значимых литературных журналов, пообщаться с ними, показать им свое творчество, получить совет. Возможно, студенту Литературного института это покажется не таким уж большим делом, а вот двадцатилетнему юноше или девушке из Сибири такой опыт – на вес золота. Сама возможность высказать свое мнение о тексте другого автора – это тоже школа. Затем уже вступают в дело мастера. Не буду «распыляться» о всевозможных практических результатах всего этого действа – от раздачи «форумных слонов»

до возможности опубликоваться в серьезном литературном журнале. Отмечу только, что сам семинар, разговор, который зачастую недоступен в обычной жизни молодого писателя – это огромный стимул двигаться.

Елена Исаева: «Впечатление о форуме начало складываться еще задолго до него – когда я читала подборки, поданные на конкурс. Я читаю очень много стихов молодых поэтов, и надо сказать, что за последнее время, буквально даже за последний год очень повысился общий уровень версификации и способность легко схватывать и применять новые стихотворные приемы, стилизовать под то «как нынче надо». Это все не плохо, это говорит об обучаемости и желании прозвучать. Другое дело – что именно звучит!.. И вот тут – поэтов, выделяющихся на общем хорошем культурном фоне, немного. Поэтов, я имею в виду, несущих с собой новое высказывание, поднимающих новые темы, осваивающих еще неосвоенное художественное пространство – не в смысле формы, а в смысле «про что». Поэтому очень радовали стихи социального звучания. Их немного, но они появляются.

Что дает этот форум? Несомненно он дает глоток свежего воздуха людям, которые в своих городах зачастую лишены литературной, а порой и вообще художественной среды. Он дает возможность самоидентификации во времени и пространстве. Он дает понимание того, что не ты такой один, а еще вокруг существует множество молодых людей – твоих сверстников, которые тоже готовы спорить о рифме или ритме. Мы нужны друг другу – мы одной крови. И это помогает потом жить дальше. Филатовский форум никогда не бросает и не забывает своих участников. Ребята знают, что их судьба нам небезразлична, что и Филатов, и другие руководители, если видят талант, то стараются сделать все, что могут, для его дальнейшей литературной судьбы».

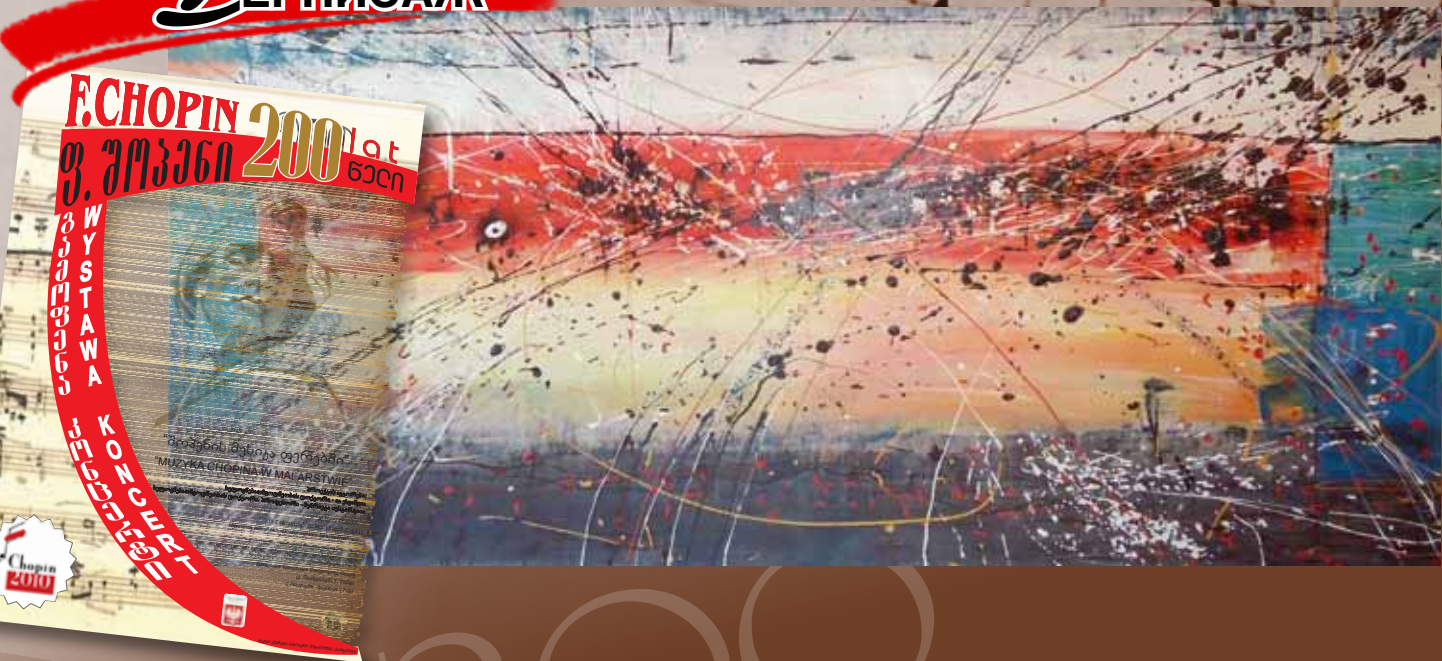
По итогам форума руководители мастер-классов отметили наиболее отличившихся на семинарах. Некоторые участники были рекомендованы к изданию в сборнике «Новые писатели», другие – в «Каталоге лучших произведений молодых писателей». 15 участников были представлены к изданию отдельной книгой в серии «Молодая литература России», 17 рекомендованы к представлению на государственную стипендию Министерства культуры РФ.

Хочу поблагодарить Фонд СЭИП и лично Сергея Александровича Филатова за оказанную возможность принимать участие в работе форума и добавить, что Фонд взял на себя решение многих вопросов относительно приезда на форум участников не только из регионов России, но и зарубежья.

Дмитрий ЛОСКУТОВ

На X Форуме молодых писателей

ШОПЕН В ЦВЕТЕ

Завершился 2010 год, объявленный ЮНЕСКО годом Фредерика Шопена, 200-летие со дня рождения которого отметили во всем мире.

Наверно излишне рассказывать, как популярен Шопен в Грузии, как издавна концерты его музыки собирали полные залы и что популярен он не только среди музыкантов и знатоков, а любим широкими слоями общества. Его музыка пластична и визуальна, образна, в ее глубинах можно найти и поэзию, и живопись, и философию. Музыка всегда активизирует воображение, возможно поэтому она привлекла внимание молодых грузинских художников, воспринимающих ее зрительно. Мазурки, вальсы, ноктюрны, этюды, прелюдии - источник, откуда можно черпать темы для композиций. Здесь чрезвычайное многообразие тем - лирических, романтических, полных динамики, ведь музыка не может быть статичной и именно это можно было наблюдать на полотнах 18 молодых художников, которые приняли участие в выставке.

Они творили с огромным энтузиазмом, переполненные эмоциями, передавая посредством цвета нахлынувшие чувства, под звуки музыки великого композитора.

На большом полотне Бека Свирава изобразил хоровод вальса в устремленном ввысь движении, целый вихрь, при близком рассмотрении его проступают очертания конкретных предметов - рояля, фигур. Другой художник видит вальс иначе, но это другой вальс. У Хатии Ларишвили преобладают интенсивные красные и желтые цвета, соотношения цветовых пятен вызывают у зрителя ассоциацию с динамикой танца. Ностальгией веет от маленького домика на краю пшеничного поля, изображенного Тамар Гиришвили. Картина названа «Думка», как и произведение Шопена для вокального исполнения. Большую часть полотна занимает небо, настраивающее зрителя на меланхолические раздумья.

Безусловно здесь слышатся аккорды минорного этюда.

В картинах, названных «Прелюдиями», художники стремились передать страх, отрицательные эмоции. Это в красных тонах изображение лица написанного Ираклием Чиковани. На картине Торнике Абуладзе - абстрактное изображение в темных тонах, где преобладает черное с проблеском красного, тщательная фактурная проработка всей поверхности картины придает ей особое звучание. Художник Леван Мачарашвили представил «Этюд Шопена», двухметровое полотно с россыпью цветowych пятен подобно россыпи звуков чарующей музыки Шопена. На этой необычной выставке выставлено около сорока полотен. Это портреты Жорж Санд и самого композитора. Привлекло внимание темпераментно написанное большое полотно на тему траурного марша Шопена работы Ираклия Чиковани. Нино Кирия представила картины, написанные в голубой гамме. Вдохновленные музыкой Ф.Шопена, полотна художников отличаются лиричностью, тонким колоритом.

Молодые грузинские художники уже имеют опыт участия в подобных выставках - в 2007 году состоялась выставка-концерт, посвященная Фредерику Шопену. Она прошла в государственной консерватории и в ней приняли участие студенты консерватории и Тбилисской академии художеств.

Над темой «Музыка в цвете» работает искусствовед Ия Эсванджия. В 2009 году она защитила докторскую диссертацию на эту тему. В 2007-м предложила мне принять участие в организации выставки-концерта. Я согласилась консультировать художников, сохраняя при этом индивидуальность творческого видения каждого.

В 2010 году мы повторили нашу совместную работу.

Выставка - концерт прошла в зале Национальной библиотеки Парламента Грузии. В концерте приняли участие магистранты консерватории, с вдохновением и мастерством исполнившие произведения Фредерика Шопена, Алеко Васадзе, Элене Зенайшвили, Элене Кобулашвили и вокалист, обладатель редкого голоса, контр-тенор Михаил Абрамишвили.

Выставка прошла при содействии Посольства Польши в Грузии и вызвала большой интерес.

Генриетта ЮСТИНСКАЯ

ПРОЗРАЧНЫЕ ФАНТАЗИИ

Молодая художница по художественной обработке стекла Анна Власова – с прекрасным, одухотворенным лицом, пластикой напоминающей музу английских прерафаэлитов, Анна привлекла внимание тбилисской публики на выставке в галерее «Байа». Здесь в 2010 году наряду с работами известного мастера Анзора Микадзе были представлены ее оригинальные украшения из стекла и металла.

Выбранная художницей сфера деятельности – художественное стекло – удивительно гармонирует с обликом автора. Стекло – всем хорошо знакомый материал, многие века вдохновляет художников разных стран. Люди восхищаются прекрасными древнеегипетскими стеклянными сосудами, смальтовыми мозаиками византийских и грузинских церквей, величественными витражами средневековых готических храмов, прекрасной стеклянной утварью венецианских мастеров. С течением веков разнообразнее становилась техника обработки, мастера изощрялись в украшении сложным рисунком хрупкой поверхности стекла. Конец XIX – начало XX вв. ознаменовались творчеством выдающихся мастеров художественного стекла, представителей стиля модерн Эмиля Галле и Рене Лалика из Франции, Луи Тиффани из США. И сегодня вызывают восхищение витражи Марка Шагала, малая скульптура Веры Мухиной. Многие помнят бум чешского стекла, искусство Яблонца в Советском Союзе.

Искусство стекла имела древние традиции и в Грузии, о чем свидетельствуют найденные при раскопках прекрасные сосуды и ювелирные украшения.

В конце 60-х годов в Тбилисской академии художеств стараниями энтузиастов открылось отделение художественной обработки стекла. Студенты получили возможность проходить производственную практику, работать над курсовыми и дипломными работами на заводах в городах Гусь-Хрустальный, Львов, в других центрах по производству художественного стекла. В результате появились прекрасные, эффектные в цветовом решении, разнообраз-

Анна Власова

ные по технике и форме высокохудожественные сервизы, торжественные вазы, осветительные приборы из цветного стекла и хрусталя, которые украшают музей Тбилисской академии художеств. Произведения Тамары Григолия, Гулико Чумбадзе, Юрия и Нины Скрынниковых, Наны Парулава, Бидзины Сичинава, Наны Хечуашвили-Сулаквелидзе не раз выставлялись и в Грузии, и за рубежом. Витражи Зураба Церетели, Вахтанга Кокиашвили, Генриетты Юстинской и других украшают интерьеры общественных зданий не только в Грузии, но и во многих городах постсоветского пространства.

Несмотря на многие сложности, художественное стекло и сейчас привлекает молодых художников. Появилась плеяда мастеров, ищущих свой путь в очень капризной, трудоемкой, но интересной области искусства. Парадоксально, но трудности в немалой степени способствовали развитию фантазии молодых. В их числе Анна Власова.

Анна родилась в Тбилиси 9 января 1982 года. Среди ее предков и родственников – художники и музыканты. Дедушка, Борис Майсурадзе, художник, который

окончил знаменитое художественную училище имени Якова Николадзе, много лет работал в Тбилисском театре оперы и балета. С детства он привил Анне любовь к классическому искусству. Анна получила и музыкальное образование. Она закончила эстрадно-джазовое отделение училища, но победила любовь к изобразительному искусству. В этом свою роль сыграло общение с известной семьей тбилисских художников Домбровских-Скрынниковых. В их студии в атмосфере любви к искусству формировались ее вкус, уверенность в себе. Педагогический дар Юрия Скрынникова и его брата Бориса принесли свои плоды. Произведения из стекла Юрия Скрынникова очаровали девочку и окончательно определили ее выбор. Она поступила на отделение художественной обработки стекла ТГАХ. Ей преподавали известные художники Шота Цицишвили, Отар Мухигули, Тамара Григолия. Обогатила ее знания и навыки и поездка в Киев, где еще в 90-е годы отец показывал ей завод по производству художественного стекла.

В мастерских художников Геннадия Экизашвили, а позднее и Анзора Микадзе Анна изучала трудоемкую технику, впитывала нужную информацию, пытаясь реализовать свои фантазии. Ее дипломной работой стала интересная композиция «Веера». Анна с благодарностью вспоминает руководителя своей дипломной работы Тамару Григолию, чей энтузиазм, энергия и поддержка способствовали развитию профессиональных навыков молодой художницы. В 2009-2010 г. Анна работала заведующей лабораторией в Академии искусств на кафедре стекла.

После академии Анна пробовала использовать художественные возможности зеркал, работала над дизайном интерьеров, но нашла себя в создании ювелирных украшений из стекла и металла. Переломным моментом считает творческое общение с Анзором Микадзе, который помог найти себя, поверить в свои силы.

Анзор Микадзе – создатель оригинальных женских украшений из металла и натурального камня – мечты тбилисских модниц, а также витражей, осветительных приборов, много сделавший для обогащения и расширения возможностей художественного языка современного грузинского декоративного искусства, говорит, что талантливая, трудолюбивая, любознательная Анна заинтересовала его как художник, имеющий свое видение. «Мне как художнику с многолетним опытом хочется иметь ученика, который творчески сможет развить мои идеи. В этом плане Анна великолепно подходит. Уверен, у нее, как у художника, большое будущее».

В последнее время Анна создает оригинальные композиции из стекла и металла: женские украшения, а также композиции, рассчитанные на размещение в интерьере. Есть у нее и серия работ, вдохновленных религиозной тематикой.

Кроме увлечения искусством стекла, Анна любит музыку, литературу, природу. Во всех начинаниях с ней рядом муж, керамик Заза Хуцишвили.

Анна Власова только начала свою активную творческую жизнь. Ее талант, вкус дает ей много возможностей добиться успеха. Ее украшения удивительно идут к современной одежде. Может, она продолжит свою дальнейшую работу в содружестве с грузинскими дизайнерами. В ближайшем будущем собирается устроить персональную выставку. Возможно, на ней будут и стеклянный зверинец с фигурками, и работы на японские мотивы.

Нино ЗААЛИШВИЛИ

*Образцы творчества
Анны Власовой*

СПАСИБО, ЧТО ВЫ ЕСТЬ!

ИЗ ТБИЛИСИ

Спасибо, что вы есть! Посещаем ваши сайты с большим удовольствием! Читаем все номера журнала. Огромное спасибо за статью в четвертом номере за 2010 год в рубрике «О, спорт!» о моем муже Давиде Гванцеладзе. Всем крепкого здоровья!

Алла ГВАНЦЕЛАДЗЕ

Спасибо за все, за то, что творите добро, за то, что печатаете статьи, которые меня как тбилисца (Сололаки – мой дом) лечат и вдохновляют. Живите долго!

Георгий ТОРОСЯН,
мастер спорта

ветеран Великой Отечественной войны

Спасибо за исключительный журнал! Статьи интересные и разнообразны, а их авторы – талантливые и трудолюбивые люди.

Елена НИКОЛАЕВА

*заслуженный врач-кардиолог,
и коллектив медицинского фонда «Гиппократ»*

Поздравляем журнал «Русский клуб» с Новым Годом и желаем крепкого здоровья, отличного настроения и творческих успехов! Я, моя семья и все наши друзья с большим интересом читаем ваш журнал. Он очень интересен, содержателен и освещает те вопросы, которые интересуют читателей.

Фотий ЧИТЛИДИС

председатель Союза греческих общин Грузии

ИЗ БОЛГАРИИ

От души желаю вам в новом 2011 году всех земных радостей, творческих горизонтов, удачи во всем, верных друзей! Счастья и успехов вашим талантливым сотрудникам, которых знаю по русско-грузинскому фестивалю поэзии.

С самыми добрыми чувствами

Надя ПОПОВА

ИЗ КАНАДЫ

Я с большим удовольствием ознакомилась с прекрасным во всех отношениях журналом «Русский клуб». Мне как уроженке чудесного города Тбилиси, где я и училась в

Государственном театральном институте и работала в областях, связанных с искусством, очень близко все то, о чем пишут и рассказывают ваши авторы. Большое спасибо всему коллективу замечательного журнала. Кстати, могу сказать и по-грузински:

დიდი მადლობა მშვენიერი ჟურნალის მთელ კოლექტივს. გისურვებთ ყოველივე კარგს.

Диана КЕССНЕР

автор книг о Тбилиси

ИЗ ПЕТЕРБУРГА

Родные мои, золотые, я с такой нежностью всегда думаю о всех вас! Вообще, Тбилиси – просто пулевое ранение в сердце. И с этим приходится жить. Будьте в Новом году счастливы, насколько это возможно.

Наталья СОКОЛОВСКАЯ

ИЗ БЕЛАРУСИ

Пусть Новый Год принесет много хорошего, доброго, светлого! Пусть каждый день из всех 365 не подведет и оправдает наши надежды!

Все время вспоминаю Грузию и наш замечательный фестиваль, который стал в моей судьбе настоящей духовной поддержкой, очень сильной... Спасибо вам за заботу, внимание и талант видеть душой душу каждого человека. Храни вас бог! Большой привет всем сотрудникам «Русского клуба»! Желаю счастья!

Валентина ПОЛИКАНИНА

ИЗ МОСКВЫ

Моих любимых тбилисян поздравляю с Рождеством и новогодними праздниками! Скучаю по друзьям и Грузии ужасно! Будьте счастливы, здоровы, удачливы, мои родные!

Лана ГАРОН

Желаю вам счастливого нового года, успехов и благоприятствования в вашей благородной работе. В московские морозы часто согреваюсь воспоминаниями о Грузии. Бог даст – свидимся еще, пообщаемся. У вас или у нас. Всего доброго!

Вадим МУРАТХАНОВ

Дорогие друзья! Каждый раз, когда мне в руки – с оказией, через друзей - попадает свежий номер «Русского клуба», я очень радуюсь: все в порядке, вы продолжаете ваше дело, и делаете это прекрасно. В каждом номере есть что-то новое, неожиданное. Журнал делается на высоком уровне, его приятно брать в руки. А самое главное то, что в моей родной и любимой Грузии по-прежнему сохраняется интерес к русской культуре. Верю, что и здесь, в России любовь и уважение к грузинской культуре никогда не иссякнут.

Желаю редакции «Русского клуба» в Новом 2011 году, и в дальнейшем сохранять верность своему делу – нести мир Грузии и России, способствовать их взаимопониманию.

Карина ЧЕРНЯК

редактор журнала «Дорога вместе»

Хочу поблагодарить журнал «Русский клуб» за то, что через него к нам приходят все новости из Тбилиси!

Мои дорогие грибоедовцы! Всегда любил и сейчас люблю наш театр. Очень рад, что у вас и сейчас часто бывают аншлаги. Хочу поздравить вас с Новым Годом и пожелать старому и новому поколениям труппы всяческих успехов.

Александр РАКВИАШВИЛИ

грибоедoveц, композитор

Поздравляю коллектив журнала «Русский клуб» с Новым Годом!

Вот уже два года я живу в Москве, но ностальгия по родному городу не оставляет меня. «Русский клуб» греет мою душу, учит мудрости и правильному общению. В Москве чувствуется великая миссия вашего журнала, особенно в нынешнее время.

Огромное впечатление произвело интервью с актером Борисом Казинцом в десятом номере за 2010 год. Спасибо за проникновенность и откровенность! А статья «Пять лет пролетели незаметно» вернула нас в замечательное прошлое грибоедовского театра. Я читаю и перечитываю ваши журналы, а мои московские друзья, знакомясь с очередным номером, убеждаются в том, что наши добрые отношения ничуть не охлаждаются.

Алла РУВИНСКАЯ

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KINDZMARAULI MARANI

WINES

სოფალი

Shikhvi

Dry White Wine

2006

PRODUCT OF GEORGIA

Alc 11.5% Vol

0.75 L

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

Armavia

Արմավիա

WWW.ARMAVIA.COM